



ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43
И88

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов, Н.М. Сараева, Т.К. Абдралилов, О.А. Авдеев, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуикова, Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Исаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда, М.Г. Кологорцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди, С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина, М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев, А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сенюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова, И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова, С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Арошидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия), К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина), Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан), А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан), Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Исаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан), А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Колтак (Россия), А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия), Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина), М.А. Наггервадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Прокопьев (Россия), М.А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия), Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан), М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

Исследования молодых ученых : материалы СХХIII Междунар. науч. конф. И88 (г. Казань, май 2026 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой ученый, 2026. — iv, 140 с.

ISBN 978-5-6054100-8-9.

В сборнике представлены материалы СХХIII Международной научной конференции «Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6054100-8-9

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Баранчук В.А.

Эскорт-услуги как предмет взятки 59

Данилевич Е.Н., Иванчик А.А.

Квалификация склонения к самоубийству посредством
криминального гипноза 65

Нгуен Ха Хань

Особенности заключения и исполнения корпоративных договоров
во Вьетнаме 70

Пряхина Д.И.

Криминалистический анализ техник социальной инженерии в системе
дистанционного мошенничества 75

Рубан А.А.

Правовая ответственность работодателя: как избежать рисков в трудовых
отношениях 82

Талдыкина Д.А.

Международно-правовые вызовы в сфере перевозок груза 85

Уварова А.С.

Квалификация убийства, совершенного с особой жестокостью: проблемы
толкования и отграничения от смежных составов 94

ПОЛИТОЛОГИЯ

Мальсагов Р.А.

Священный текст и пределы перевода: исламская традиция понимания
Корана 97

ПСИХОЛОГИЯ

Иванова Ю.Ю.

Эффективность когнитивной реструктуризации в снижении
академической прокрастинации студентов колледжа 102

ПЕДАГОГИКА

Гайда И.В.

Интеграция преподавания биологии и химии средствами театрального искусства: педагогическая модель и практические подходы к ее реализации в системе среднего профессионального образования 113

Гончарова А.С., Коломиец А.Э., Горовая М.К.

Сказкотерапия как инструмент трансляции семейных ценностей в старшем дошкольном возрасте. 117

Суслина О.Ю., Аязова А.Н., Буторина А.А.

Приобщение дошкольников к культуре и традициям народов России как фактор развития интереса к русскому языку 120

Урванцева П.А.

Приобщение детей 6–7 лет к искусству через формирование представлений о художниках-иллюстраторах детской книги 125

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Белякова В.Д., Семенчук А.А.

Влияние разных видов музыки на эффективность силовых тренировок 129

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Оспанова А.М.

Компрессия как когнитивно-прагматическая стратегия синхронного перевода технико-экономической информации 134

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Эскорт-услуги как предмет взятки

Баранчук Влада Анатольевна, студент

Научный руководитель: Моисеева Ирина Анатольевна, кандидат
юридических наук, доцент

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

В традиционном понимании коррупция ассоциируется преимущественно с материальными формами предоставления благ, включая денежные средства, ценные подарки и оказание взаимных услуг. Взятничество как одно из ключевых проявлений коррупции предполагает, как правило, материальный характер предмета взятки. Вместе с тем развитие антикоррупционного законодательства обуславливает появление более скрытых и нематериальных способов передачи взятки. В этой связи особую сложность и научную дискуссионность приобретает вопрос о возможности квалификации эскорт-услуг, нередко используемых в качестве эвфемизма для обозначения услуг сексуального характера, в качестве предмета взятки.

Главной проблемой в сфере коррупции остается высокая степень латентности. Коррупция сама по себе является скрытым видом преступности, а использование эскорт-услуг делает её практически невидимой для стандартного финансового мониторинга.

Данные судебной статистики и анализа правоприменительной практики наглядно демонстрируют результативность и комплексный подход государства к искоренению коррупции. В Республике Беларусь и Российской Федерации на современном этапе принципиальное внимание уделяется проблемам противодействия коррупции. На постоянной основе осуществляется мониторинг коррупциогенных факторов, происходит обновление антикоррупционных нормативных правовых актов, национальная правовая база совершенствуется в со-

ответствии с международными требованиями противодействия транснациональной коррупции [1, с. 102–103].

Современная судебная практика отошла от узкого понимания взятки. Однако не стоит забывать, что преступность тоже развивается и создаются новые способы и попытки легально обойти установленные законодательными актами нормы и запреты. Передача наличных денег становится всё более рискованной из-за систем финансового мониторинга, что заставляет коррупционеров искать способы предоставления благ, которые сложно зафиксировать в банковской выписке.

С точки зрения уголовного права, в совершении коррупционных преступлений выделяют три субъекта, а именно:

1. Взяткодатель — лицо, которое предоставляет должностному лицу.
2. Взяткополучатель — должностное лицо, которое принимает выгоду за использование им служебных полномочий в интересах взяткодателя или представляемых им лиц. Принятие взятки предполагает под собой осознанное волеизъявление должностного лица (например, словесно), свидетельствующее о его готовности принять предполагаемую имущественную выгоду.
3. Посредник — лицо, непосредственно передающее предмет взятки от взяткодателя взяткополучателю (по поручению одной из сторон).

Фундаментальный вопрос юридической науки заключается в том, может ли услуга, приносящая физическое или эстетическое удовольствие, считаться взяткой? Множество дискуссий вызывает вопрос, касающийся услуг сексуального характера и эскорт-услуг. Для полноценного анализа и раскрытия данной темы необходимо четко детерминировать сам предмет взятки.

Согласно доктрине уголовного права (в частности, в Российской Федерации и Республике Беларусь), предметом взяточничества могут быть не только деньги и ценности, но и выгоды имущественного характера — различного рода услуги, которые оказываются должностному лицу безвозмездно, но подлежащие оплате. То есть предметом взятки считается вознаграждение имущественного характера, при этом сама стоимость значения для квалификации не имеет. Судебная практика многих стран исходит из постулата, что к услугам имущественного характера относятся любые выгоды, имеющие денежный эквивалент. Сюда входят туристические путевки, ремонт жилья, оплата обучения и, безусловно, предоставление платного досуга. В свою очередь, не могут быть предметом взятки услуги неимущественного характера, даже если должностным лицом совершаются определенные действия по службе (например, положительная характеристика или рекомендация).

Ни в Гражданском или Уголовном кодексах, ни в законах о предпринимательстве, ни в специальных нормативных актах этот термин не расшифрован. Однако, несмотря на то, законодательно закреплённого понятия «эскорта» или «эскорт-услуг» нет, это понятие встречается в Постановлении государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 85 «Об утверждении, введении в действие общегосударственного классификатора Республики Беларусь», а именно в пункте «предоставление прочих индивидуальных услуг» и в «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности» под пунктом «предоставление прочих персональных услуг, не включённых в другие группировки». Исходя из этого классификатора, можно сказать, что эскорт приравнивают к социальным услугам [2]. Также, следует отметить, пока уголовное законодательство в данном направлении «стоит на месте», такой вид преступления как проституция набирает большую популярность через «новые» виды: эскорт-услуги и киберпроституция (вебкаминг) [3, с. 5].

«Эскорт» и «эскорт-услуги» — понятия являющиеся заимствованными и используются обороте, в буквальном переводе с английского *escort* означает «сопровождение». В широком смысле эскорт-услуги — это вид предпринимательской деятельности, заключающийся в предоставлении платных услуг по сопровождению заказчика на культурных, деловых или светских мероприятиях, а также в поездках и путешествиях (например, поддержка приятной беседы, помощь в организационных вопросах). Термин также используется для завуалированного обозначения сексуальных услуг. Предметом «сделки» выступает время, проведенное вместе, участие в мероприятии (ужин, прием, конференция, путешествие), поддержание имиджа клиента, создание видимости социального статуса или решение проблемы одиночества в публичном пространстве. Сексуальные услуги и половое сношение не является *de-iure* обязательным условием или предметом оплаты. Всё зависит от клиента.

То есть здесь следует исходить из двух позиций:

1. приравнивания эскорт-услуг к услугам сексуального характера;
2. выделения эскорт-услуг как отдельного вида услуг по сопровождению.

Проанализируем первый вариант. Услуги сексуального характера — это возмездные услуги, предоставляемые с целью удовлетворения сексуальных потребностей вне зависимости от формы.

Правовая доктрина выделяет три подхода к определению статуса сексуальных услуг в делах о взяточничестве. Во-первых, существует мнение, о том, что любые услуги, имеющие стоимостную оценку, не зависимо от легитимности

действий или бездействий является предметом взятки. И в этом случае услуги сексуального характера признаются предметом взятки. Но этот подход вызывает некие сомнения. Например, по мнению А. Р. Иовеннко и А. Н. Карпушевой, «данное утверждение не является корректным, в виду того, что существуют лица, которые оказывают сексуальные услуги на постоянной основе, в качестве постоянного заработка, в таком случае их деятельность может быть оценена с точки зрения денежного выражения, однако, если лицо оказывает подобные услуги единожды и данная услуга не может быть оценена ею, то каким образом можно рассчитать стоимость услуги» [4, с. 525].

Во-вторых, существует мнение, согласно которому услуги сексуально характера ни при каких обстоятельствах не будут считаться предметом взятки. Обосновывается это тем, что услуги незаконные, а значит и не могут квалифицироваться как выгоды имущественного характера, в виду того, что нет официальной стоимостной оценки. В-третьих, на основе двух первых теорий и практике было сформировано, новое мнение, согласно которому сексуальные услуги признаются предметом взятки, но при определенных условиях: о плата произведена взяткодателем или посредником, а не самим взяткополучателем; должностное лицо знает об оплате и воспринимает ее как материальное вознаграждение; должно быть установлено корыстное побуждение, т. е. получение выгоды. Таким образом, с целью верной квалификации представленных действий следует учитывать именно субъективное преставление должностного лица об имущественности или неимущественности предоставляемых услуг. Имеется в виду, что должностное лицо, получающее сексуальные услуги за осуществление того или иного деяния, воспринимает их как возможность не заплатить за услугу денег, тем самым получив имущественную выгоду. В таком случае подобные услуги будут расценены как предмет взятки [4, с. 525].

Проанализировав все теории, можно сделать вывод, что одной из главных проблем при рассмотрении эскорт-услуг в контексте сексуальных услуг как предмета взятки является оценка стоимости. В отличие от банковского перевода, стоимость «сопровождения» может варьироваться и часто не фиксируется документально. Услуги сексуального характера нельзя назвать услугами имущественного характера, так как они не направлены на какое-либо имущество. Отнесение тех или иных услуг к имущественным или неимущественным весьма спорно. Во многих случаях при оказании сексуальных услуг эту имущественность можно найти и сами услуги оценить. Без сомнений можно сказать то, что всякая вещь и всякая услуга пусть даже и незаконная имеет свою цену

на чёрном рынке. Именно цена говорит нам о существовании материального стоимостного эквивалента и наличии имущественной услуги. Когда размер имущественной выгоды в случае бесплатного оказания в пользу должностного лица нелегальной услуги в связи с его служебной деятельностью установить не удастся, инкриминировать получения взятки мы не сможем. Даже если фактически данные услуги оплачены, это не делает их услугами имущественного характера и тем более не делает их предметом взятки [5]. Следовательно, необходимо доказывать факт оплаты услуги именно взяткодателем и установить её рыночную цену для определения размера взятки (значительный, крупный, особо крупный).

Проанализируем второй вариант. Здесь эскорт-услугу мы выделяем как вид легальной услуги, заключающейся в сопровождении и направленную на поддержание социального статуса и имиджа. В некоторых кругах присутствие со статусной спутницей или спутником является обязательным атрибутом «успешного лидера». Если такая услуга (включая сопутствующие расходы на перелеты, проживание и гонорары персонала) финансируется заинтересованной стороной, а должностное лицо получает вполне осязаемый «комфорт» и «статус», то есть извлекает личную пользу. Как и предыдущем варианте, здесь решающее значение имеет наличие имеющие четкий денежный эквивалента и факта оплаты специфической услуги третьим лицом.

Если взяткодатель оплатил должностному лицу счет в эскорт-агентстве, то не обязательно доказывать, были ли оказаны услуги сексуального характера. Достаточно будет следующего:

1. Факт сопровождения;
2. Услуга имеет рыночную цену (тарифы);
3. За эту услугу заплатило третье лицо в обмен за покровительство, попустительство или благоприятное решение вопроса.

Из всего вышеизложенного делаем вывод, что есть основания относить к выгоде имущественного характера эскорт-услугу, а значит, она может являться предметом взятки. То есть, в том случае, если должностному лицу предоставляют мужчину или женщину для оказания эскорт-услуг, чьи услуги оплачены кем-либо, о чём данное должностное лицо осознаёт или должно осознавать, то пользование им такой «услугой» надлежит квалифицировать как получение взятки, а действия лица, которое оплачивает такую «услугу» — дача взятки. При всём этом предметом взятки признается не сама эскорт-услуга, а получение должностным лицом материальной выгоды — возможность пользоваться специфической услугой бесплатно.

Литература:

1. Вальтер, А. В. Антикоррупционное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 3 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnoe-zakonodatelstvo-respubliki-belarus-i-rossiyskoy-federatsii-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 21.03.2026)
2. Антонян, Ю. М. Проституция и ее соотношение с преступностью / Ю. М. Антонян // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 1 (59). С. 6–11. EDN WUOSWV.
3. Афанасьев, М. В., Петрова, В. Уголовно-правовое противодействие эскорт-услугам: проблематика применения современного Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник права. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoe-protivodeystvie-eskort-uslugam-problematika-primeneniya-sovremennogo-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 22.03.2026).)
4. Иовенко, А. Р., Карпушева, А. Н. Сексуальные услуги как предмет взятки // Образование и право. 2023. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/seksualnye-uslugi-kak-predmet-vzyatki-1> (дата обращения: 22.03.2026).)
5. Мингалиева, Р. Р. К вопросу о необходимости признания услуг сексуального характера предметом взятки / Р. Р. Мингалиева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 43 (438). — С. 137–139. — URL: <https://moluch.ru/archive/438/95774>.

Квалификация склонения к самоубийству посредством криминального гипноза

Данилевич Елизавета Николаевна, студент;

Иванчик Арина Андреевна, студент

Научный руководитель: Хилjuta Вадим Владимирович, доктор юридических наук, доцент

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

Одной из наиболее распространенных и таинственных психотехник манипулирования сознанием людей является гипноз. Гипноз — это состояние изменённого сознания, которое характеризуется повышенной внушаемостью и сосредоточенностью. В данном состоянии снижается критическая оценка происходящего и усиливается фокус внимания, вследствие чего человек становится более восприимчив к внешним воздействиям и внушениям, что отличает это состояние от обычного бодрствования или сна. Эти свойства делают гипноз своего рода инструментом в терапевтической практике, но одновременно — потенциально опасным средством в руках лиц, преследующих преступные цели. Гипнотические контакты между людьми осуществляются с помощью вербальных (речевых), невербальных и образно-чувственных способов. Одним из составов преступлений, при котором может быть использован гипноз, является склонение к самоубийству, которое в целом является общественно опасным еще и потому, что оно является латентным преступлением и характеризуется наличием необратимых последствий.

Ключевые слова: самоубийство, склонение к самоубийству, гипноз, транс, психическое принуждение.

В юридическом контексте особенно остро стоит вопрос о том, может ли гипноз служить инструментом психического насилия, когда при помощи внушения и манипуляции сознанием нарушаются права и свободы человека. Это порождает сложные правовые и этические дилеммы, поскольку граница между добровольным участием и принуждением порой размыта, а доказать наличие умысла бывает достаточно затруднительно.

Гипноз как метод предполагает создание у человека состояния, при котором снижается критическая оценка происходящего и повышается внушаемость: через вербальные и невербальные приёмы достигается глубокое расслабление, фокусировка внимания и готовность воспринимать указания. Именно эта по-

вышенная восприимчивость делает гипноз одновременно полезным инструментом в терапии и потенциально опасным средством в руках злоумышленников: при наличии умысла и соответствующих условий внушение может быть направлено на принуждение к действиям, раскрытие личной информации или формирование устойчивых установок, наносящих вред.

В уголовном праве гипноз может рассматриваться как форма психического насилия, поскольку он нарушает волю и сознание человека. Преступник, используя гипноз, может заставить жертву совершать действия, которые она бы не совершила в нормальном состоянии. В свою очередь, психическое насилие — это форма насилия, которая проявляется через манипуляции, угрозы, запугивание и другие действия, направленные на причинение психологического вреда. Оно может принимать различные формы, включая эмоциональное насилие, манипуляцию сознанием и контроль над поведением жертвы.

Сознание человека, находящегося под воздействием гипнотического манипулирования, может быть отключено полностью (при гипнотическом сне) или частично (при гипнотическом трансе, когда человек осознает, что он в гипнозе). Физиологически этот процесс выражается в торможении деятельности коры головного мозга, за исключением одного участка, благодаря которому между гипнотизером и гипнотизируемым устанавливается состояние раппорта, то есть установление специфического контакта с определенной мерой доверия или взаимопонимания [1]. Важно отметить, что при применении гипнотического манипулирования, загипнотизированное лицо некритично воспринимает переданную им информацию, в отличие от человека, находящегося в состоянии бодрствования.

Когда гипнотические приемы используются целенаправленно для манипуляции волей другого человека, для подчинения его интересам гипнотизера или для побуждения к противоправным действиям, речь уже идет о криминальном гипнозе — феномене, который может выступать и как способ совершения преступления, и как средство психического насилия, нарушающее права и свободы личности.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) закреплена такой состав преступления как склонение к самоубийству (ст. 146 УК) [2]. Но, в свою очередь, необходимо определить, что следует понимать под самоубийством. В соответствии с определением, данным Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), самоубийство — преднамеренный акт лишения себя жизни, часто в состоянии эмоционального возбуждения или отчаяния, где субъект осознает характер действий, но подавлен обстоятельствами.

Согласно диспозиции ст. 146 УК, склонение к самоубийству — умышленное возбуждение у другого лица решимости совершать самоубийство, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него. Сущность поведения при таком преступлении состоит в том, что виновный воздействует на сознание и волю другого лица и возбуждает у него решимость совершить акт суицида. Склонение представляет собой своего рода побуждение к суициду через манипуляцию, где воля жертвы парализована, но не полностью утрачена (в отличие от убийства). При этом не парализуется воля потерпевшего, и он остается свободным в выборе своего последующего поведения: совершение самоубийства или отказ от него.

По форме выражения «подстрекательство» может совершаться словами, жестами, письменными знаками, носить открытый или завуалированный характер. Способы склонения к самоубийству могут быть разные (просьба, приказ, обман, поручение, совет и т. п.). Если виновный возбуждает у другого лица решимость совершить самоубийство путем жестокого обращения с ним или систематического унижения его личного достоинства, то все содеянное квалифицируется по ст. 145 УК (доведение до самоубийства), а при наличии прямого умысла к последствиям — по ст. 139 УК (убийство).

Одним из нестандартных способов возбуждения у лица решимости совершить самоубийство является криминальный гипноз. Под криминальным гипнозом следует понимать измененное состояние сознания, которое возникло в результате целенаправленного воздействия на психику лица, сопровождалось гипнотическими феноменами (искажением восприятия времени, положительными и отрицательными галлюцинациями, амнезией, постгипнотическими внушениями, каталепсией и др.) и применялось в качестве способа преступного деяния, а именно как вида психического насилия, представляющего целенаправленное противоправное информационное воздействие на психику лица, против либо помимо его воли, с целью приведения последнего либо в беспомощное состояние для совершения преступного деяния (действия или бездействия) в отношении загипнотизированного лица, либо для принуждения его к совершению преступления (серии преступлений), ответственность за которое (которые) предусмотрена уголовным законодательством [3, 18].

Рассмотрим одно из состояний, сопровождающееся с гипнотическим трансом. Каталепсия представляет собой симптом двигательного расстройства, патологически длительное сохранение больным приданной ему позы (подобно «восковой фигуре»), когда из состояния бодрствования сразу (минуя все фазы

медленного сна) переходит в состояние, характерное для парадоксального сна, который сопровождается мышечной атонией [4]. Катаlepsию можно вызвать в состоянии гипноза. Как пример, катаlepsию можно использовать как невербальное внушение: гипнотизер поднимает руку гипнотизируемого, поддерживая ее в воздухе. Через какое-то время рука сама за висает в воздухе и остаётся в неподвижности, значит бессознательное откликнулось и приняло «предложение» гипнотизера. А раз гипнотизируемый принял это «предложение», с большой вероятностью он примет и остальные внушения, которые будут исходить от гипнотизера.

Считается, что способность человека сопротивляться гипнозу не является абсолютной. Наличие так называемого «иммунитета» против гипноза зависит от возраста, жизненного и духовного опыта человека, его образа жизни, особенностей характера, психики; соотношения чувственных, телесных, умственных, духовных и душевных составляющих человека; степени развития таких качеств, как бдительность и осторожность. Важно понимать, что все перечисленные особенности человека с течением времени постоянно меняются, то есть носят не статичный, а динамичный характер.

В связи с чем уместно говорить о том, достиг ли потерпевший, находящийся под воздействием гипноза, к моменту совершения самоубийства или покушения на самоубийство состояния, при котором лицо утратило способность осознавать опасность своих действий и руководить ими, или какой эффект (побуждающий или определяющий) имел гипноз в случае сохранения лицом способности осознавать опасность своих действий и руководить ими; в чем выразалось действие гипноза, которое явилось причиной принятия решения потерпевшим о самоубийстве, мог ли он избрать другой вариант поведения, противостоять действию гипноза; были ли у потерпевшего суицидальные наклонности до применения к нему гипноза.

Субъективная сторона склонения к самоубийству характеризуется прямым умыслом. Возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство осуществляется только умышленно: виновный сознает, что возбуждает у другого лица решимость совершить самоубийство, и желает этого. Соответственно, в данном случае необходимо установить наличие умысла гипнотизера, направленного на склонение к самоубийству или на покушение к самоубийству гипнотизируемого, и о тех конкретных действиях, которые он выполнял. В случае достижения результата в виде самоубийства или покушения на него непосредственно от таких действий и при неспособности потерпевшего осознавать ха-

ракти и значение своих действий и (или) руководить ими, действия гипнотизера следует квалифицировать как убийство или покушение на убийство, соответственно.

Склонение к самоубийству, посредством введения лица в гипнотическое состояние, может встречаться в религиозных объединениях, в том числе и незарегистрированных. Запрещается деятельность религиозных организаций, которая направлена, в том числе, на склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии.

Из православной литературы следует, что под гипнозом понимается способ такого воздействия на человека, при котором расстраивается его духовное здоровье, психика, притупляются сознание и память, ослабевают мыслительные процессы; жертва начинает подвергаться воздействию таких сил, которые делают лицу разного рода внушения и создают острые чувственные состояния (беспробудных отчаяния, уныния, печали, страха и пр.), которые он может не отличать от собственных мыслей и чувств. Не исключены магические приемы (заклинания, ритуалы, другие приемы и методы оккультного характера) при использовании гипноза, особенно при введении гипнотизируемого в транс. Как результат возможны суицид, возникновение психических и других заболеваний, иные отклонения психики, одержимость.

На основании всего вышеизложенного можно сказать о том, что криминальный гипноз квалифицируется как нестандартный, но потенциально высокоэффективный способ возбуждения у лица решимости покончить с собой. Ключевым критерием разграничения между склонением к самоубийству и убийством выступает степень сохранения воли потерпевшего: если под воздействием гипноза лицо полностью утратило способность осознавать опасность своих действий и руководить ими (беспомощное состояние), содеянное следует квалифицировать как убийство. Если же воля была парализована не полностью, и потерпевший сохранял формальную возможность выбора — как склонение к самоубийству. Особого внимания заслуживает контекст деятельности религиозных (особенно незарегистрированных) объединений, где гипнотическое воздействие может сочетаться с магическими и оккультными приёмами, формируя у жертвы состояния отчаяния, уныния, страха и неспособности отличить внушённые установки от собственных мыслей, что повышает риск суицидального исхода.

Литература:

1. Сумбаев, И. С. Внушение и гипноз / И. С. Сумбаев. — Иркутск: Иркутское обл. гос. издательство, 1950. — 48 с.
2. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.10.2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2025.
3. Седых, Л. В. Преступления, совершаемые с применением гипноза: особенности квалификации и предупреждения: автореф. Канд. Юр. наук / Седых Л. В.; Ставропольский государственный университет. — Саратов, 2012. — 32с.
4. Катаlepsия / [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Катаlepsия> (дата обращения: 16.04.2026).

Особенности заключения и исполнения корпоративных договоров во Вьетнаме

Нгуен Ха Хань, студент магистратуры

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуются особенности заключения и исполнения корпоративных договоров во Вьетнаме. Анализ проводится на основе Закона «О предприятиях» 2020 года и Гражданского кодекса 2015 года. Рассматриваются этапы заключения корпоративных договоров, правовые ограничения предпринимательской деятельности, а также основания признания договоров недействительными. Особое внимание уделено судебной практике и сравнительному анализу с российским правом.

Ключевые слова: корпоративный договор, Вьетнам, предпринимательская деятельность, недействительность сделки, судебная практика, сравнительное право.

Современный этап развития Вьетнама характеризуется активной интеграцией в мировую экономику, что обуславливает необходимость совершенствования правового регулирования предпринимательской деятельности. В этих

условиях особое значение приобретает корпоративный договор как инструмент координации интересов участников хозяйственных обществ. Ключевым нормативным актом, регулирующим корпоративные отношения, выступает Закон «О предприятиях» 2020 года, который определяет порядок создания, функционирования и ликвидации юридических лиц [7]. Его положения направлены на повышение прозрачности и предсказуемости предпринимательской среды.

Корпоративный договор во Вьетнаме представляет собой соглашение между участниками юридического лица, направленное на регулирование их прав и обязанностей. Его значение заключается не только в закреплении условий взаимодействия сторон, но и в формировании механизмов предотвращения корпоративных конфликтов. Процесс заключения корпоративного договора включает несколько этапов:

- выбор организационно-правовой формы предприятия;
- подготовку учредительных документов;
- государственную регистрацию юридического лица;
- выполнение последующих регистрационных процедур.

Согласно действующему законодательству, юридическое лицо приобретает правоспособность с момента государственной регистрации [7]. До этого момента заключение корпоративных договоров не допускается, что отличает вьетнамский подход от ряда зарубежных правовых порядков.

Законодательство Вьетнама устанавливает ряд ограничений, направленных на обеспечение законности предпринимательской деятельности. Во-первых, имущество, вносимое в уставный капитал, должно находиться в законной собственности учредителя и не относиться к объектам, изъятым из гражданского оборота [7]. Во-вторых, запрещается осуществление отдельных видов деятельности, включая незаконный оборот наркотических средств, торговлю людьми и иные противоправные действия [12]. В-третьих, законодательство ограничивает возможность владения несколькими частными предприятиями одним лицом, что связано с особенностями правового статуса таких субъектов [7]. Указанные ограничения направлены на защиту публичных интересов и обеспечение стабильности экономической системы.

Вопросы действительности корпоративных договоров регулируются как Законом «О предприятиях», так и Гражданским кодексом 2015 года. Согласно статье 117 Гражданского кодекса, действительность сделки зависит от наличия правоспособности сторон, их добровольного волеизъявления и законности содержания [5]. Несоблюдение указанных условий влечет при-

знание договора недействительным. К основным основаниям недействительности относятся:

- отсутствие полномочий у лица, подписавшего договор [7];
- нарушение требований к субъектному составу сделки [5];
- мнимый или притворный характер договора [6];
- противоречие закону или общественной морали [5];
- отсутствие правоспособности юридического лица на момент заключения договора [7].

Таким образом, правовой режим корпоративных договоров во Вьетнаме характеризуется строгим формализмом, что снижает правовую неопределенность, но повышает требования к участникам оборота.

Значительный интерес представляет судебная практика № 25/2018/AL, в которой рассматривался спор о действительности договора, подписанного неуполномоченным лицом. Суд установил, что лицо, подписавшее договор, не обладало статусом законного представителя и не имело доверенности. В связи с этим договор был признан недействительным, несмотря на фактическое исполнение обязательств одной из сторон. Данное решение подтверждает, что вьетнамские суды придерживаются строгого подхода к вопросам представительства и полномочий, что соответствует общим принципам гражданского права [5].

Сравнение вьетнамского и российского правового регулирования позволяет выявить как сходства, так и существенные различия. В российском праве корпоративный договор регулируется нормами Гражданского кодекса РФ (ст. 67.2) и рассматривается как соглашение участников хозяйственного общества о порядке осуществления корпоративных прав. Аналогично вьетнамскому праву, он направлен на координацию действий участников и предотвращение конфликтов [9]. Однако российское право характеризуется более гибким подходом:

1. Вопрос правоспособности. В России допускается заключение предварительных соглашений до государственной регистрации юридического лица, тогда как во Вьетнаме это невозможно.

2. Полномочия представителей. Российская судебная практика в ряде случаев допускает признание сделки действительной при последующем одобрении (ратификации), тогда как во Вьетнаме преобладает более формальный подход, исключающий подобные возможности.

3. Степень формализации. Вьетнамское право предъявляет более жесткие требования к соблюдению формальных процедур, тогда как российская модель допускает более широкое применение принципа добросовестности.

4. Роль судебной практики. В России судебная практика играет значительную роль в развитии корпоративного права, включая разъяснения высших судов. Во Вьетнаме же судебные прецеденты используются ограниченно, но постепенно приобретают большее значение.

Таким образом, вьетнамская модель характеризуется большей формализованностью, тогда как российская — большей гибкостью и ориентацией на экономическую целесообразность.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, корпоративный договор во Вьетнаме является важным инструментом регулирования предпринимательских отношений и обеспечивает согласование интересов участников. Во-вторых, законодательство устанавливает строгие требования к порядку заключения и содержанию договоров, что снижает правовые риски, но повышает требования к юридической проработке сделок. В-третьих, судебная практика подтверждает формальный подход к оценке полномочий представителей и условий действительности договоров. В-четвёртых, сравнительный анализ показывает, что российское право отличается большей гибкостью, тогда как вьетнамское — более строгой регламентацией. В целом развитие института корпоративного договора во Вьетнаме направлено на повышение стабильности делового оборота и укрепление инвестиционной привлекательности страны.

Литература:

1. Закон о предприятиях Социалистической Республики Вьетнам от 17.06.2020 № 59/2020/QH14. — URL: <https://lawfirm.vn/van-ban/the-law-on-enterprises-of-vietnam-2020-law-no-59-2020-qh14/> (дата обращения: 28.09.2025).
2. Постановление Правительства Социалистической Республики Вьетнам № 01/2021/NĐ-CP «О регистрации предприятий». — URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/EN/Doanh-nghiep/Decree-01-2021-ND-CP-enterprise-registration/467018/tieng-anh.aspx> (дата обращения: 09.09.2025).
3. Гражданский кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 24.11.2015 № 91/2015/QH13. — URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-dan-su-2015> (дата обращения: 28.08.2025).
4. Верховный народный суд Социалистической Республики Вьетнам. Постановление № 02/2016/AL «О споре о возврате имущества» от 06.04.2016. — URL: <https://fdvn.vn/wp-content/uploads/2019/05/luu-ban-nhap-tu-dong-3.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).

5. Верховный народный суд Социалистической Республики Вьетнам. Постановление № 25/2018/AL «О недействительности сделки, подписанной неуполномоченным лицом». — URL: <https://example-placeholder.vn> (дата обращения: 15.04.2026).
6. Hoang P.-D., Nguyen L.-T., Tran B.-Q., Ta D.-T. Corporate governance for sustainable development in Vietnam: Criteria for SOEs based on MCDM approach // PLOS ONE. 2024. Vol. 19, Issue 5, e0302306. — URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0302306> (дата обращения: 21.08.2025).
7. Nguyen H. Business Law in Vietnam. Hanoi: Vietnam National University Press, 2021. 256 p. — URL: <https://www.grafiati.com/en/literature-selections/business-law-in-vietnam/> (дата обращения: 22.08.2025).
8. Мазяров А. В. Корпоративный договор как инструмент регулирования отношений между участниками хозяйственных обществ // CyberLeninka. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnyy-dogovor-kak-instrument-regulirovaniya-otnosheniy-mezhdu-uchastnikami-hozyaystvenh-obschestv.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).
9. Алексеев С. С. Теория права. М.: Норма, 2020. 512 с. — URL: <https://privlaw.ru/upload/iblock/f51/7x1dmcnfg141ttc2ptnws1o5e5a3c08k.pdf> (дата обращения: 27.08.2025).
10. Осипов Д. В. Нормы корпоративного права Европейского союза и особенности организации и ведения бизнеса // Право (Серия: Экономика и Право). 2021. — URL: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/project-result-content/65148967-8dbc-4bdc-ae6-0915e1076ca3/EUROPEAN_UNION_CORPORATE_LAW_AND_FEATURES_OF_CREATION_AND_DOING_BUSINESS.pdf (дата обращения: 12.08.2025).
11. Петров Д. Ю., Филиппов Н. А., Яблокова А. А. Развитие цифрового права в сфере корпоративных отношений // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 82–87. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tsifrovogo-prava-v-sfere-korporativnyh-otnosheniy> (дата обращения: 03.09.2025).

Криминалистический анализ техник социальной инженерии в системе дистанционного мошенничества

Пряхина Дарья Игоревна, студент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует актуальные проблемы расследования дистанционного мошенничества, совершаемого с использованием техник социальной инженерии. На основе данных МВД РФ за 2025 год (снижение количества преступлений на 9%) и статистики «Лаборатории Касперского» (более 554 млн предотвращённых фишинговых атак) автор показывает, что количественное снижение компенсируется ростом технологического уровня преступности. В работе раскрываются особенности трёх основных техник социальной инженерии — фишинга, вишинга и претекстинга, — с акцентом на механизм комбинированного слеодообразования (цифровые и идеальные следы). Обосновывается важность введения русскоязычных аналогов терминов для унификации криминалистической практики. Особое внимание уделяется специфике сбора доказательств, роли экспертов и тактике допроса потерпевших. Формулируются ключевые условия успешного расследования преступлений данного вида.

Ключевые слова: социальная инженерия, дистанционное мошенничество, цифровые следы, идеальные следы.

В отчетном периоде МВД РФ за 2025 год прослеживается позитивная тенденция снижения количественных показателей преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а именно количество совершенных дистанционных мошенничеств сократилось на 9% по сравнению с 2024 годом [1]. Однако вместе с тем, руководство ведомства отмечает, что снижение количественного роста компенсируется переходом преступности на более высокий организационно-технологический уровень [2]. Таким образом, расследование, раскрытие и предупреждение дистанционного мошенничества остается актуальной задачей в работе правоохранительных органов.

Криминалистическая наука на сегодняшний день не поспевает сформулировать такие методики расследования, которые были бы способны раскрывать дистанционные хищения, связанные с использованием методов социальной инженерии. Понятие «социальная инженерия» в области технологического мошенничества представляет собой совокупность способов манипуляции людьми

в целях получения от них доступа к персональным данным, конфиденциальной информации и иным ценным информационным объектам. При таком способе совершения преступления акцент делается не на программно-аппаратном комплексе, а на когнитивных, познавательных процессах индивида.

Под техниками социальной инженерии следует понимать конкретные психологические и технологические приемы, имеющие специфику применения, обусловленную каналами взаимодействия, способами манипуляции сознания человека и иными факторами. Каждый такой прием оставляет следы совершения преступления, которые в криминалистической науке именуются «комбинированными», то есть сочетают в себе цифровую и идеальную (психологическую) сущность. Необходимо четко соотносить, какие следы оставляет каждая техника социальной инженерии. Посредством такого соотношения устанавливается «преступный почерк» деяния, что позволяет в некоторых случаях лицу, осуществляющему предварительное расследование по уголовному делу, объединять дела в одно производство, а также определять направление для поиска и сбора доказательств по уголовному делу.

К основным выделяемым техникам социальной инженерии относят «фишинг», «вишинг», «претексинг». Наименования таких способов совершения дистанционного хищения были заимствованы из зарубежных источников, а потому их содержание остается не раскрытым [3, с. 153]. Сознанием человека, который является носителем русского языка, не может быть охвачен тот смысл обозначенных понятий, который предполагался зарубежными криминалистическими исследованиями. Полагаю, что закрепление русскоязычных эквивалентов данных наименований техник социальной инженерии позволит избежать лингвистической неопределенности в криминалистической науке и деятельности по расследованию преступлений, а также повысит уровень правосознания граждан.

Первая обозначенная техника социальной инженерии, именуемая «фишинг», представляет собой визуально-технический способ совершения дистанционного мошенничества, реализующийся путем создания вредоносных веб-сайтов. Его цель — получить конфиденциальную информацию посредством введения лица в заблуждение, так как предполагается, что используемый веб-сайт является надежным, знакомым источником информации. По данным Лаборатории Касперского за 2025 год система «Антифишинг» предотвратила 554 002 207 попыток перехода по фишинговым ссылкам [4, с. 1]. Таким образом, визуально-технический способ совершения хищения является одним из наиболее используемых техник совершения дистанционного мошенничества.

Комбинированность следов, оставшихся в результате совершения мошенничества с использованием техники фишинга, проявляется в наличии как цифровых следов, к которым относятся ссылки, содержащие уникальные идентификаторы, история посещения веб-браузера, записи об IP-адресах, с которых осуществлялся доступ к похищенным данным, так и идеальных следов (память о деталях интерфейса вредоносного веб-сайта, последовательности совершенных потерпевшим действий, контексте, под которым была получена ссылка на веб-сайт).

Вишинг как техника социальной инженерии является дистанционно-речевым способом совершения информационного мошенничества, осуществляемым посредством телефонных звонков с целью получения конфиденциальных данных. Аудиосообщение для звонка, как правило, записывается заранее, и во взаимодействии с предполагаемым потерпевшим используется именно готовая запись. «Вишинг» используется для массовых звонков, так как не требует разработки сценария для вхождения в доверие к конкретному лицу, и записанные аудиосообщения носят неперсонифицированный характер. То есть «звонок» от службы безопасности банка с просьбой продиктовать код из СМС-сообщений является универсальным способом получения информации, не требующим обладания специальными знаниями относительно клиента банка. Для того чтобы ввести жертву в заблуждение мошенники используют технологию подмены телефонного номера, согласно которой у вызываемого абонента отображается номер, похожий на официальный номер государственной или банковской организации, а не реальный номер телефона входящего звонка.

В результате совершения преступления с использованием техники «вишинга» остаются цифровые следы — данные о маршрутизации трафика, аудиофайл, информация о времени, продолжительности и частоты соединений, а так же идеальные следы — воспоминания о содержании поступившего звонка и используемых речевых оборотах, образ номера телефона, отобразившегося на экране.

Следующая техника социальной инженерии — претекстинг, тоже является дистанционно-речевым способом совершения мошенничества. По сравнению с вишингом, где используются заранее записанные голосовые сообщения, в претекстинге взаимодействие с предполагаемым потерпевшим носит «живой» характер, то есть злоумышленник непосредственно участвует в диалоге. При этом заранее осуществляется сбор необходимой информации о жертве (ФИО, сведения о близких, последние банковские операции, поисковые запросы в браузере), что способствует установлению доверительного контакта. После сбора

необходимой информации мошенник составляет сценарий диалога, готовит ответы на возможные вопросы жертвы. Такая техника социальной инженерии является наиболее эффективной с точки зрения психологии человека, так как личный контакт, озвучивание конфиденциальной информации, возможное давление, установление лимита времени для принятия решения об озвучивании своих персональных данных снижают или делают невозможной способность критически оценивать ситуацию.

Претекстинг характеризуется комбинированным механизмом следообразования. Цифровыми следами являются фрагменты баз данных, откуда мошенник получал предварительную информацию о жертве, текстовые файлы с прописанными сценариями диалога, логи VPN, чтобы скрыть реальный IP-адрес и другие. К идеальным следам относятся воспоминания об уровне осведомленности звонящего о личной жизни жертвы, интонации, тембре голоса и иных качественных характеристиках речи злоумышленника, последовательности реплик жертвы и мошенника в диалоге.

Специфика следообразования при совершении преступлений с использованием техник социальной инженерии обуславливает существование двух массивов информации — цифровых и идеальных следов, которые имеют уникальные характеристики и особенности фиксации в деятельности по расследованию преступления. Если цифровые следы носят объективный характер, то идеальным присущ субъективизм, который проявляется в том, что следователю при получении показаний в ходе допроса об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, необходимо учитывать влияние эмоционального стресса на потерпевшего, вследствие которого он может заблуждаться и искажать факты, а также когнитивные способности конкретного лица по запоминанию информации. В приведенных ситуациях искажение носит неосознанный характер. Субъективная составляющая идеальных следов проявляется и в психологическом «барьере» потерпевшего, который осознанно искажает свои показания под страхом того, что его сочтут наивным и некомпетентным в глазах следствия. Данные особенности идеальных следов должны учитываться криминалистической тактикой путем построения допроса потерпевшего таким образом, который позволит ему воспроизвести в памяти событие преступного посягательства и изложить следователю обстоятельства дела, не испытывая при этом чувства «ложного стыда». Для реализации этой задачи следователю необходимо установить доверительный контакт с допрашиваемым лицом. Как отмечает С. С. Паутов, следователю стоит воздерживаться от осуждений и критики действий потерпевшего, рекомендуется проявлять сочув-

ствие и попытаться раскрыть гражданское значение добросовестной дачи показаний [5, с. 67]. После установления психологического контакта следует этап свободного рассказа, в соответствии с которым потерпевший выражает свое восприятие произошедшего и описывает последовательность событий, связанных с преступлением. Если воспроизводство событий вызывает трудности у потерпевшего, то может применяться метод гипнорепродукции, который подробно исследовала Л. М. Исаева [6, с. 33]. Согласно предложенному методу, человек заново «проживает» произошедшие с ним события, тем самым воспроизводит их в той последовательности, которая соответствует действительности. Нарушение следователем надлежащей тактики допроса, а именно неустановление доверительного контакта и игнорирование тех сведений, которыми обладает потерпевший о совершенном в отношении него преступном посягательстве, влечет утрату следов, обладающих способностью стать доказательствами по уголовному делу при соблюдении требований уголовно-процессуального закона, и нераскрытие преступления.

Цифровые следы, оставшиеся в результате совершения дистанционного мошенничества, по своей природе являются относительно стабильными и объективными, то есть их содержание не искажается по воле человека. Следовательно, с помощью них возможно осуществлять проверку достоверности содержания идеальных следов. Например, потерпевший утверждает, что ему поступило сообщение в мессенджере с ссылкой на вредоносный веб-сайт сервиса объявлений, после чего он перешел по ссылке и ввел реквизиты своей банковской карты на предложенном ресурсе. Воспоминания потерпевшего, озвученные им на допросе, представляют собой идеальный след. Полученные следователем история веб-браузера и кеш-файлы смартфона, содержащие данные о реальном переходе жертвы по ссылке и вводе реквизитов банковской карты, являются цифровыми следами, которые подтверждают достоверность идеальных следов. В противном случае, если содержание идеального и цифрового следа не совпадает, предпочтение отдается последнему ввиду его объективности.

Помимо проверки достоверности содержания идеальных следов цифровые следы выполняют функцию по установлению полной «картины» произошедшего. Путем получения истории звонков и СМС-сообщений, IP-адреса, логов браузера и системных логов устройств возможно воспроизвести события преступления в той последовательности, которая имела место в действительности, установить географическую локацию действий злоумышленника, отследить направление движения похищенных денежных средств, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Несмотря на достоинства цифровых следов, существуют ограничения в придании таким следам статуса доказательств по уголовному делу. Во-первых, цифровые следы хоть и объективны, но изменчивы и кратковременны, то есть при промедлении следователем действий по сбору доказательств след исчезает безвозвратно. Во-вторых, цифровой след фиксирует устройство, с помощью которого было совершено преступление, однако личность преступника остается неизвестной для следствия. В-третьих, следователь может не обладать знаниями, умениями и навыками в области понимания и извлечения компьютерной информации. Поэтому при расследовании хищений, связанных с использованием техник социальной инженерии, критически важным является участие специалиста и эксперта. Роль специалиста заключается в фиксации цифровых следов при первичном осмотре предмета (в том числе мобильного телефона потерпевшего). Эксперт же проводит углубленное исследование выявленных следов и отвечает на вопросы, поставленные перед ним следователем. Следователю при формулировании вопросов для эксперта необходимо исходить из того, какая техника социальной инженерии применялась злоумышленником. Игнорирование специфики следообразования каждой техники социальной инженерии приводит к получению формальных ответов от эксперта, которые не раскрывают природу дистанционного мошенничества. Так, при фишинге криминалистический анализ акцентирует внимание на сетевой активности (история браузера, логи соединений), чтобы подтвердить, что потерпевший перешел по вредоносной ссылке. При вишинге и претексинге эксперт анализирует параметры IP-телефонии, вследствие чего становится возможным отслеживание реального IP-адреса звонящего.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, полагаю, что введение в криминалистический речевой оборот эквивалентных русскоязычных понятий «вишинг», «фишинг» и «претексинг» позволит обеспечить единообразие понимания этих терминов в следственной и судебной практике, а также повысит уровень правосознания граждан. Адаптирование может быть осуществлено следующим образом: «фишинг» — визуально-технический способ совершения дистанционного мошенничества, «вишинг» — дистанционно-речевой способ, «претексинг» — подготовительно-информационный способ с формированием персонального сценария диалога.

Во-вторых, ключевым условием результативности предварительного расследования является четкое соотнесение следователем примененной техники социальной инженерии с механизмом ее следообразования.

В-третьих, при производстве предварительного расследования необходимо учитывать специфику сбора и фиксации идеальных и цифровых следов, образующих в совокупности комбинированный механизм следообразования.

Литература:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года: статистические сведения // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. — 2025. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 24.03.2026).
2. МВД: число киберпреступлений в России снизилось на 12% в 2025 году // Коммерсантъ: сетевое издание. — 2025. — 22 янв. — URL: kommersant.ru (дата обращения: 24.03.2026).
3. Старостенко Н. И. Понятие и виды методов социальной инженерии, применяемых при совершении преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 152–159.
4. Спам и фишинг в 2025 году: аналитический отчет // Securelist: официальный сайт АО «Лаборатория Касперского». — 2025. — 26 февр. — URL: <https://securelist.ru/spam-and-phishing-report-2025/114623/> (дата обращения: 26.03.2026).
5. Паутов, С. С. Тактика допроса потерпевшего на первоначальном этапе расследования мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений / С. С. Паутов // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2024. — № 1 (63). — С. 66–70.
6. Исаева, Л. М. Проблемные вопросы использования восстановления памяти лиц при раскрытии преступлений / Л. М. Исаева // Научный портал МВД России. — 2010. — № 3. — С. 29–34.

Правовая ответственность работодателя: как избежать рисков в трудовых отношениях

Рубан Алла Александровна, студент магистратуры

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются основные аспекты правовой ответственности работодателя в рамках трудового законодательства Российской Федерации, а также предлагаются практические рекомендации по предотвращению трудовых споров. Особое внимание уделяется вопросам соблюдения прав работников, правильного оформления трудовых документов и своевременного урегулирования конфликтных ситуаций. Статья предназначена для руководителей предприятий, юристов и специалистов по управлению персоналом, стремящихся минимизировать риски возникновения трудовых споров и обеспечить стабильность внутриорганизационных отношений.

Ключевые слова: правовая ответственность работодателя, трудовое законодательство, трудовые споры, трудовой договор, нарушение прав, юридическая ответственность, охрана труда.

Трудовые отношения являются важной составляющей социально-экономической системы любой страны. В Российской Федерации регулирование этих отношений осуществляется на основе Трудового кодекса РФ (ТК РФ) [1], а также иных нормативных актов и международных соглашений [5]. Правовая ответственность работодателя — это совокупность мер юридического воздействия за нарушение требований законодательства, условий трудового договора или иных нормативных актов, регулирующих трудовые отношения.

Несоблюдение требований законодательства может привести к возникновению трудовых споров, штрафам, компенсационным выплатам и даже уголовной ответственности. Поэтому важнейшей задачей современного руководителя является создание правовой базы внутри организации и внедрение механизмов профилактики конфликтных ситуаций.

Правовая ответственность работодателя делится на несколько видов:

- 1) гражданско-правовая ответственность — возмещение ущерба имуществу работника [1, ст. 234–236] и компенсация морального вреда [1, ст. 237];
- 2) административная ответственность — штрафы за нарушение трудового законодательства [2, ст. 5.27];
- 3) уголовная ответственность — за невыплату заработной платы [3, ст. 145.1] или нарушение правил охраны труда [3, ст. 143];

- 4) дисциплинарная ответственность — привлечение руководителя организации к ответственности по требованию профсоюза или иного представительного органа работников [1, ст. 195].

Одной из наиболее распространённых причин возникновения трудовых споров является нарушение условий трудового договора. Согласно статье 56 ТК РФ [1, ст. 56], трудовой договор является соглашением, регулирующим права и обязанности сторон наряду с трудовым законодательством, локальными нормативными актами и коллективным договором. Нарушение его условий — например, изменение режима работы без согласия работника, невыплата предусмотренных выплат или изменение условий оплаты труда — создаёт правовую основу для обращения работника в суд или комиссию по трудовым спорам. Такие нарушения подрывают доверие сторон и могут привести к признанию увольнения незаконным или взысканию компенсаций.

Следующей важной причиной является невыплата или задержка заработной платы. Статья 136 ТК РФ [1, ст. 136] прямо предусматривает обязанность работодателя своевременно и полностью выплачивать заработную плату. Нарушение этого обязательства не только нарушает конституционные права работника на достойный уровень жизни, но и влечёт за собой административную ответственность в виде штрафов [2, ст. 5.27]. Задержка выплаты зачастую становится поводом для обращения в суд с требованием о взыскании задолженности и компенсации морального вреда.

Нарушения правил охраны труда также являются частой причиной возникновения трудовых споров. В соответствии со статьёй 212 ТК РФ [1, ст. 212], работодатель обязан обеспечить безопасные условия труда и соблюдать требования нормативных актов по охране труда. Нарушение этих требований может привести к травмам или профессиональным заболеваниям работников, что, в свою очередь, вызывает конфликты по поводу ответственности за причинённый вред, а также требования компенсаций или восстановления нарушенных прав.

Как избежать трудовых споров?

1. Одним из ключевых факторов профилактики конфликтов является правильное оформление всех документов. Трудовой договор должен соответствовать требованиям ст. 56 ТК РФ [1, ст. 56]: содержать точное описание должности, условий оплаты труда, режима работы и иных существенных условий.
2. Ведение личных дел работников с учётом требований закона о персональных данных.
3. Регулярное обновление внутренних локальных актов: правил внутреннего распорядка, инструкций по охране труда.

4. Проведение инструктажей по охране труда, разъяснение прав и обязанностей сотрудников помогает снизить риск недоразумений и конфликтов.

5. Перед принятием новых документов рекомендуется проводить их юридическую экспертизу для исключения противоречий с законодательством. Соблюдение требований законодательства, правильное оформление документации, своевременное реагирование на возникающие проблемы — основные инструменты профилактики конфликтных ситуаций.

6. Создание внутриорганизационной системы разрешения споров — важный инструмент профилактики судебных разбирательств. Предлагается внедрить систему досудебного урегулирования трудовых споров, включающую создание внутренней комиссии по трудовым спорам, которая будет рассматривать обращения работников и работодателей в порядке, установленном локальными нормативными актами. В случае возникновения конфликта стороны обязаны пройти предварительные переговоры и медиацию, а при недостижении соглашения — обратиться в арбитражные органы или суд.

Эффективное урегулирование трудовых споров является важным условием обеспечения стабильных и справедливых трудовых отношений. Предложенные меры, включающие создание внутренней системы досудебного разрешения конфликтов, повышение информированности работников и развитие корпоративной культуры, способствуют снижению количества конфликтных ситуаций и обеспечивают их своевременное и правовое разрешение. Внедрение таких механизмов способствует укреплению доверия между работником и работодателем, а также повышает эффективность функционирования трудового законодательства в организации [4].

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 17 марта 2004 г. «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».
5. Международные конвенции МОТ № 87 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» и № 98 «О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров».

Международно-правовые вызовы в сфере перевозок груза

Талдыкина Дарья Андреевна, студент магистратуры

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Настоящая статья посвящена выявлению и анализу международно-правовых вызовов, возникающих в сфере перевозок груза различными видами транспорта (автомобильным, железнодорожным, воздушным, внутренним водным, морским, в прямом смешанном сообщении). Рассматриваются вызовы, связанные с цифровизацией документооборота; несовершенством традиционных институтов (навигационная ошибка, общая авария, каботажные ограничения, разные модели договора, дифференциация ответственности); внедрением автономных и беспилотных технологий (юрисдикционная неопределённость, технологическая зависимость); а также коллизионными проблемами товарораспорядительных документов. На основе сравнительного анализа подходов Китая, Индии и Бразилии предлагаются конкретные пути решения.

Ключевые слова: международно-правовые вызовы, перевозки груза, цифровизация, навигационная ошибка, общая авария, каботаж, автономные транспортные средства, электронные коносаменты.

Актуальность исследования обусловлена динамичным развитием законодательства. За 2023–2026 годы в кодифицированные акты (КТМ РФ, КВВТ РФ, ВК РФ, УЖТ РФ, УАТ РФ) внесены существенные поправки, затрагивающие цифровизацию перевозочного процесса и внедрение автономных технологий.

Технологическая трансформация отрасли, связанная с внедрением систем искусственного интеллекта, порождает новые правовые вызовы. Действующее законодательство не в полной мере учитывает специфику распределения ответственности между владельцем транспортного средства, производителем оборудования, разработчиком программного обеспечения и оператором дистанционного управления.

Кроме того, сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран (Китая, Индии, Бразилии) демонстрирует наличие как универсальных тенденций, так и уникальных национальных особенностей. Осмысление зарубежного опыта позволяет выявить перспективные направления совершенствования российского законодательства.

Указанные обстоятельства в совокупности предопределяют актуальность темы, её теоретическую и практическую значимость.

Ключевые вызовы в сфере перевозок груза

В Российской Федерации активно внедряются электронные перевозочные документы: электронная транспортная накладная, электронная железнодорожная накладная, электронная авианакладная, электронный коносамент, а также единый электронный транспортный документ при смешанных перевозках. Также нельзя не отметить создание государственной информационной системы электронных перевозочных документов (далее — ГИС ЭПД) — на начало 2026 года в ней оформлено более 30 миллионов документов [17].

В связи с активной цифровизацией документов возникают соответствующие вызовы. Так, если оператор информационной системы находится за рубежом или серверы расположены вне юрисдикции РФ, возникает угроза утечки данных о грузопотоках. Законодательство пока не требует обязательного использования ГИС ЭПД для всех участников — допускаются иные системы при согласии сторон, что создаёт «дыру» в информационном суверенитете. Россия является участницей ряда международных конвенций, регулирующих перевозки. Монреальская конвенция 1999 года (воздушный транспорт) не содержит норм об электронных авианакладных [3]. Гамбургские правила 1978 года (морской транспорт) также не упоминают электронные коносаменты [4]. СОТIF в Приложении В (СИМ) требует оформления железнодорожной накладной в бумажной форме [5]. Следовательно, коллизия заключается в том, что национальное законодательство признаёт электронные документы, а международные конвенции — нет.

Также стоит рассмотреть вызовы, связанные с несовершенством традиционных правовых институтов. Статья 167 КТМ РФ освобождает перевозчика от ответственности за утрату или повреждение груза, если они произошли вследствие действий или упущений капитана, других членов экипажа или лоцмана в судовождении или управлении судном [1]. Институт навигационной ошибки не имеет аналогов на других видах транспорта. При международных перевозках он приводит к неравенству: грузовладелец не может получить возмещение от российского перевозчика, тогда как перевозчик иного вида транспорта отвечал бы [12]. Кроме того, правило об освобождении за навигационную ошибку не применяется в каботаже, что создаёт двойные стандарты.

Общая авария: глава XVI КТМ РФ регулирует распределение убытков, понесённых вследствие намеренных и разумных чрезвычайных расходов для спасения судна, груза и фрахта от общей опасности [1]. Процедура составления диспаши и её оспаривания является сложной и длительной. Россия в ст. 285 КТМ РФ отсылает к Йорк-Антверпенским правилам, но не уточняет, к какой редакции (1994 или 2016 годов), что порождает споры [13]. Практический пример:

инцидент с контейнеровозом Ever Given в Суэцком канале привёл к колоссальным расходам на спасание; российские грузовладельцы столкнулись с необходимостью предоставлять обеспечение и участвовать в зарубежной процедуре распределения убытков [13].

Каботажные ограничения: статья 4 КТМ РФ устанавливает, что каботаж осуществляется исключительно судами под Государственным флагом РФ [1]. Это важный инструмент защиты национального суверенитета. Однако в условиях, когда российский флот не всегда располагает судами необходимых типов и вместимости, жёсткий запрет приводит к логистическим трудностям, особенно в труднодоступных регионах. Пункт 5 статьи 4 допускает исключения по решению Правительства РФ, но процедура не формализована [1].

С внедрением высокоавтоматизированных технологий также возникает ряд вызовов, одним из которых является юрисдикционная неопределённость. При дорожно-транспортном происшествии, вызванном сбоем программного обеспечения, возникает вопрос: кто несёт ответственность — владелец транспортного средства или разработчик ПО? Если разработчик — иностранная компания без представительства в РФ, российский суд может не обладать юрисдикцией. Проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах» предлагает, что владелец высокоавтоматизированного транспортного средства (далее — ВАС) отвечает за дорожно-транспортное происшествие, если нарушил руководство по эксплуатации, а производитель (включая разработчика ПО) — если авария произошла из-за конструктивных недостатков [2]. Но если разработчик — иностранная компания без представительства, проблема сохраняется.

Функционирование автономных транспортных средств требует спутниковой навигации, каналов связи и облачных платформ, в связи с чем возникает вызов, связанный с технологической зависимостью. В России развёрнута ГЛОНАСС, но многие устройства используют комбинированный приём ГЛОНАСС/GPS. Иностранное государство, контролирующее GPS, может отключить сигнал. Многие системы управления автономными транспортными средствами используют облачные сервисы зарубежных компаний (AWS, Google Cloud, Microsoft Azure), что создаёт риск блокировки доступа [16].

Коллизионные проблемы электронных товарораспорядительных документов является не менее важным вызовом. Электронный коносамент — запись в информационной системе, часто в распределённом реестре (блокчейне). Возникает вопрос: правом какого государства определяется порядок передачи прав на груз, если узлы реестра расположены в нескольких странах?

Роттердамские правила 2008 года предусматривают использование электронных транспортных записей, но Россия их не ратифицировала [6]. Аналогичные проблемы возникают с электронной железнодорожной накладной CIM/SMGS в международном сообщении.

Таким образом, в сфере перевозок грузов выделяются четыре группы ключевых вызовов. Информационно-цифровой вызов связан с внедрением электронных документов и коллизией национального законодательства с международными конвенциями, что угрожает информационному суверенитету РФ. Институциональные вызовы обусловлены архаичными нормами (навигационная ошибка, неопределённость с редакцией Йорк-Антверпенских правил, неформализованные исключения из каботаж), создающими двойные стандарты и правовую неопределённость. Технологические вызовы порождены автономными транспортными средствами: юрисдикционная неопределённость, размывание пограничного контроля и зависимость от иностранных систем. Коллизионные вызовы связаны с оборотом электронных коносаментов в распределённых реестрах при отсутствии ратификации Роттердамских правил. Указанные вызовы требуют комплексного законодательного реагирования для укрепления национального суверенитета РФ.

Зарубежный опыт решения международно-правовых вызовов

С целью преодоления международно-правовых вызовов в сфере перевозок груза видится целесообразным изучить опыт зарубежных стран.

Китай выбрал путь централизованного обновления законодательства. 28 октября 2025 года принята новая редакция Морского кодекса КНР (вступает в силу с 1 мая 2026 года) [7]. Ключевые новеллы: унификация правил для международных и внутренних перевозок (устранение «двойных стандартов»); легализация электронных транспортных записей с юридической силой, равной бумажным документам; повышение пределов ответственности перевозчика; сохранение исключительной юрисдикции для перевозок, порт погрузки или выгрузки которых находится на территории Китая [7]. На автомобильном и железнодорожном транспорте действует обязательное требование использования отечественной навигационной системы Beidou [15]. Китай демонстрирует, что унификация правил не означает утрату суверенитета, а может использоваться как инструмент повышения стандартов внутри страны [15].

Индия, в свою очередь, делает упор на фрагментарное регулирование и зависимость от прецедентов. Индия не имеет кодифицированного транспортного законодательства. Договор перевозки груза квалифицируется как разновидность поклада (bailment) по Закону о договорах 1872 года. В 2025 году

приняты три важных закона: Coastal Shipping Bill, 2025 (упрощение каботажного судоходства); Carriage of Goods by Sea Bill, 2025 (замена устаревшего акта 1925 года, регулирование электронных коносаментов); Railways (Amendment) Act, 2025 [8–10]. В сфере автономных транспортных средств Индия отстаёт: отсутствует специальное законодательство, нет единой государственной системы электронных перевозочных документов [7]. Индийская модель демонстрирует, что отсутствие системного регулирования ведёт к ослаблению суверенитета — государство уступает контроль частным ИТ-компаниям и судебному усмотрению [14].

Бразилия использует добровольные ограничения суверенитета с механизмами «точек контроля». В декабре 2025 года Бразилия завершила процедуру присоединения к Конвенции TIR и системе eTIR (вступит в силу 30 июля 2026 года) [11]. Бразилия стала 79-й договаривающейся стороной. Это добровольное ограничение суверенитета: Бразилия соглашается на то, что таможенные данные передаются по международным каналам. Однако сохранены «точки контроля»: право запрашивать дополнительные документы, право проводить выборочный физический досмотр, сохранение национальных требований безопасности [11]. На морском транспорте развивается собственная система электронных коносаментов Siscomex Cargo под контролем Федеральной таможенной службы. Модель «точек контроля» показывает, что участие в международных цифровых системах не означает полную утрату суверенитета.

Таким образом, анализ зарубежного опыта показывает три различных подхода к решению международно-правовых вызовов. Китай использует централизованное обновление законодательства: унификацию правил для внутренних и международных перевозок, легализацию электронных документов, обязательное использование отечественной навигационной системы Beidou и сохранение исключительной юрисдикции, что позволяет укреплять суверенитет через унификацию. Индия придерживается фрагментарного регулирования, что ведёт к отставанию в сфере автономных технологий и электронного документооборота, ослабляя суверенитет и передавая контроль частным ИТ-компаниям и судам. Бразилия демонстрирует модель «точек контроля»: участвуя в международных системах (TIR, eTIR), она сохраняет за собой ключевые контрольные функции (дополнительный досмотр, национальные требования безопасности). Российская Федерация может использовать положительные элементы каждого подхода: от Китая — унификацию и юрисдикционный контроль, от Бразилии — механизмы «точек контроля», избегая фрагментарности индийской модели.

Направления совершенствования российского законодательства

На основе проведённого анализа ключевых международно-правовых вызовов, а также с учётом зарубежного опыта Китая, Индии и Бразилии, представляется возможным сформулировать комплекс конкретных предложений по совершенствованию российского законодательства в сфере перевозок грузов.

В первую очередь необходимо обеспечить информационный суверенитет. Предлагается дополнить положения УАТ РФ, УЖТ РФ, ВЗК РФ, КТМ РФ и Закона № 288-ФЗ нормой об обязательном использовании ГИС ЭПД для перевозок грузов, составляющих государственную тайну, а также для перевозок по государственным и муниципальным контрактам. Для иных перевозок оператор информационной системы должен быть резидентом РФ и обеспечивать локализацию данных на её территории по аналогии с Федеральным законом «О персональных данных». Следует установить административную ответственность за использование иностранных информационных систем для оформления электронных перевозочных документов на грузы, отнесённые к государственной тайне.

Одновременно следует инициировать применение конвенций с оговоркой, что электронные документы допускаются, если это не противоречит национальной безопасности страны.

В целях укрепления юрисдикционного суверенитета необходимо дополнить ст. 1079 ГК РФ положением о солидарной ответственности владельца источника повышенной опасности и разработчика ПО автоматизированной системы управления автономным транспортным средством за вред, причинённый вследствие сбоя или ошибки ПО. Следует разработать норму об исключительной юрисдикции российских судов по спорам о возмещении вреда, причинённого автономным транспортным средством на территории РФ, независимо от места нахождения разработчика ПО. Для иностранных разработчиков ПО установить обязательное требование о наличии уполномоченного представителя и предоставлении обеспечения. Эти требования необходимо включить в проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах», принятие которого следует ускорить.

По примеру Китая предлагается унифицировать правила для международных и внутренних перевозок: распространить ограничения ответственности судовладельца (гл. XXI КТМ РФ) на каботаж в полном объёме, отменить освобождение за навигационную ошибку для международных перевозок либо существенно ограничить его.

В раздел VI ГК РФ «Международное частное право» следует внести новую статью о коллизионном регулировании электронных коносаментов: к обяза-

тельствам из электронного коносамента применяется право страны оператора информационной системы, если иное не предусмотрено соглашением сторон; при каботаже — исключительно российское право. Необходимо создать государственную систему оборота электронных коносаментов на блокчейне под контролем Минтранса РФ (оператор — Российский морской регистр судоходства). Для электронных железнодорожных накладных CIM/SMGS разработать двусторонние соглашения со странами ЕАЭС и СНГ о признании электронных документов и о применимом праве.

Для достижения технологического суверенитета дополнить Федеральный закон «О навигационной деятельности» нормой о приоритете ГЛОНАСС для всех коммерческих автономных перевозок на территории РФ. Использование GPS — только как вспомогательное, при этом отключение GPS не должно приводить к потере управления транспортных средств. Для автономных судов аналогичное требование включить в КТМ РФ. Создать реестр отечественных облачных платформ и систем спутниковой связи, обязательных для перевозок грузов, составляющих государственную тайну, а также для перевозок с участием государственных заказчиков. Предусмотреть господдержку разработки российских систем дистанционного управления для ВАС, а также отечественных спутниковых группировок связи.

Реализация указанных предложений позволит укрепить национальный суверенитет РФ в сфере перевозок грузов, сочетая технологическое развитие с сохранением контроля государства над информационными потоками, юрисдикцией, пограничным и таможенным контролем, а также правовым регулированием ответственности.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить и систематизировать четыре группы международно-правовых вызовов в сфере перевозок груза всеми видами транспорта. Информационный вызов связан с цифровизацией документооборота и коллизиями международных конвенций. Институциональные вызовы обусловлены сохранением архаичных институтов: навигационная ошибка, общая авария, каботажные ограничения, разные модели договора, дифференциация пределов ответственности. Технологические вызовы порождены внедрением автономных и беспилотных транспортных средств: юрисдикционная неопределённость, размывание пограничного и таможенного контроля, технологическая зависимость. Коллизионные вызовы связаны с оборотом электронных товарораспорядительных документов в распределённых реестрах.

Зарубежный опыт Китая, Индии и Бразилии даёт полезные уроки для России. На основе анализа сформулированы конкретные предложения по изменению российского законодательства, охватывающие все виды транспорта, и предложена дорожная карта их внедрения на период 2026–2030 годов.

Реализация рассмотренных предложений позволит существенно укрепить национальный суверенитет Российской Федерации в сфере перевозок грузов, сочетая технологическое развитие с сохранением контроля государства над информационными потоками, юрисдикцией, пограничным и таможенным контролем, а также правовым регулированием ответственности. Предлагаемые решения учитывают лучший зарубежный опыт (централизованное обновление законодательства Китая, модель «точек контроля» Бразилии), но адаптируют его к российским правовым и технологическим реалиям, что позволит России занять достойное место в формирующейся новой архитектуре международных транспортных отношений.

Литература:

1. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2207.
2. Проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. — URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2026).
3. Монреальская конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (заключена в г. Монреале 28.05.1999) // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 19. — Ст. 2650.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов 1978 года (Гамбургские правила) // United Nations Treaty Series. — Vol. 1695. — P. 3.
5. Конвенция о международных железнодорожных перевозках (COTIF) от 09.05.1980 (Приложение В — Единые правила договора международной железнодорожной перевозки груза CIM) // Бюллетень международных договоров. — 2003. — № 6.
6. Роттердамские правила: Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах полностью или частично морской международной

- перевозки груза (принята в г. Нью-Йорке 11.12.2008) // UN Doc. A/RES/63/122.
7. Морской кодекс Китайской Народной Республики (новая редакция): принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 28 октября 2025 г. // URL: <https://www.npc.gov.cn> (на кит. яз.) (дата обращения: 29.04.2026).
 8. Coastal Shipping Bill, 2025 (India) // Parliament of India, Bill No. 45 of 2025.
 9. Carriage of Goods by Sea Bill, 2025 (India) // Parliament of India, Bill No. 47 of 2025.
 10. Railways (Amendment) Act, 2025 (India) // The Gazette of India, No. 12/2025.
 11. Decreto nº 12.555, de 31 de dezembro de 2025 (Brasil) — Promulga a adesão do Brasil à Convenção TIR e institui o sistema eTIR // Diário Oficial da União. — 2025. — 31 dez.
 12. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 4: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. — М.: Статут, 2015. — 485 с.
 13. Клюев В. В. Генезис регулирования правоотношений в области автономного надводного судоходства // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 8 (184). — С. 213–220.
 14. Нестеров М. Н. Проблема коллизии международных правил морской перевозки грузов (Гаагские правила, Гаага-Висби, Гамбургские правила) // Океанский менеджмент. — 2023. — № 4 (22). — С. 27–34.
 15. Скаридов А. С. Международное частное морское право: учебник. — СПб.: ГУМРФ им. адм. С. О. Макарова, 2026. — 371 с.
 16. Абоян А. А. Сравнительно-правовое исследование правового режима беспилотных транспортных средств в странах АТР: особенности регулирования в России, Японии, Китае и Сингапуре // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2023. — С. 121–139.
 17. Официальный сайт ГИС ЭПД: статистические данные за 2025–2026 гг. // URL: <https://gisepd.ru/stat> (дата обращения: 29.04.2026).

Квалификация убийства, совершенного с особой жестокостью: проблемы толкования и ограничения от смежных составов

Уварова Анастасия Сергеевна, студент

Научный руководитель: Коротченков Денис Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Анализируются доктринальные подходы и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, касающиеся оценочного характера признака «особая жестокость». Особое внимание уделено критериям ограничения данного состава от убийства в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), убийства при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ) и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ). На основе анализа судебной практики выявлены типичные ошибки квалификации и предложены пути их устранения.

Ключевые слова: убийство, особая жестокость, квалификация преступлений, оценочная категория, ограничение составов, судебная практика, состояние аффекта, необходимая оборона.

Право на жизнь — важнейшее конституционное благо, а его уголовно-правовая охрана относится к приоритетным задачам государства. Квалифицированный состав убийства, предусмотренный п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, выделяется повышенной общественной опасностью: вред причиняется не только жизни, но и достоинству потерпевшего, испытывающего особые страдания. Понятие «особая жестокость» является оценочным. Его содержание раскрывается не законодателем, а правоприменителем в каждом конкретном деле. В доктрине справедливо отмечается, что «в силу недостаточной правовой регламентации... деятельность правоприменительных органов затруднена, что не способствует единообразному пониманию» [1, с. 32]. Эта неопределённость порождает проблемы как при установлении самого квалифицирующего признака, так и при ограничении от смежных составов. Цель статьи — выявить основные проблемы толкования особой жестокости и предложить критерии ограничения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ от сходных преступлений.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1, особая жестокость связывается со способом убийства, заведомо причиняющим

особые страдания (множественность ранений, мучительный яд, сожжение заживо и т.п.), или с обстановкой — совершение преступления в присутствии близких потерпевшего [5, п. 8]. Доктрина предлагает рассматривать эту категорию как совокупность трёх составляющих: особо жестокого способа, последствий в виде особых страданий и личности преступника, отличающейся крайней безжалостностью [2, с. 108; 3, с. 3312]. Однако решающее значение имеет субъективный критерий: умыслом виновного должно охватываться совершение убийства именно с особой жестокостью. Он должен осознавать, что избранный способ причиняет особые страдания, и желать либо допускать такие последствия. Без этого признака множественность ранений сама по себе не образует состав п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Наибольшие трудности на практике вызывает отграничение убийства с особой жестокостью от смежных преступлений. Прежде всего, это состав убийства в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ). Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: если убийство совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, оно не может квалифицироваться по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, даже когда присутствуют множественность ранений или иные обстоятельства, обычно указывающие на особую жестокость [5, п. 16]. Ключевой критерий разграничения — эмоциональное состояние виновного. Аффект сужает сознание и снижает контроль, поэтому исключает хладнокровный выбор особо жестокого способа. Убийство с особой жестокостью, напротив, предполагает расчётливость и осознанное причинение страданий [4, с. 229].

Не менее сложно отграничение от убийства при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ). Верховный Суд РФ указал: такое убийство квалифицируется только по ст. 108 УК РФ, даже если оно совершено при обстоятельствах, с которыми обычно связывается особая жестокость [5, п. 16]. Здесь решающим критерием выступает цель действий. При превышении пределов обороны лицо стремится пресечь посягательство, а не удовлетворить безжалостные побуждения. Характер вреда в этом случае определяется обстановкой защиты, а не внутренней потребностью причинить страдания, что исключает вменение п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Отграничение от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ), также представляет трудность, особенно когда множественные повреждения причинены до наступления смерти. Ключевое различие — направленность умысла. При убийстве умысел направлен на лишение жизни; при ч. 4 ст. 111 УК РФ — только на причинение тяжкого вреда, смерть же наступает по неосторожности [5, п. 3]. Если по делу не дока-

зано, что виновный желал или сознательно допускал смерть, содеянное не может расцениваться как убийство, даже при наличии признаков жестокого обращения.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Оценочный характер признака «особая жестокость» порождает неоднородную практику, что требует дополнительной законодательной регламентации. Целесообразно закрепить в примечании к ст. 105 УК РФ легальную дефиницию, включающую объективные критерии (способ, длительность страданий) и субъективный признак (осознание виновным особой жестокости избранного способа). При отграничении от смежных составов необходимо оценивать совокупность обстоятельств: направленность умысла, мотив, цель, эмоциональное состояние и обстановку. Только комплексный учёт объективных и субъективных признаков обеспечивает правильную квалификацию. Кроме того, важным шагом для единообразия судебной практики должна стать дальнейшая детализация разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в части применения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ при конкуренции со ст. 107, 108 и 111 УК РФ.

Литература:

1. Апкаев Д. М., Зыков Д. А. Особая жестокость как оценочная категория // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 10. — С. 3311–3314.
2. Потетинов В. А., Харченко А. В. «Особая жестокость» квалифицированного убийства как оценочная категория в уголовном праве России // Уголовное право. — 2021. — № 5. — С. 105–112.
3. Аллаева З., Абзалова Х. Уголовно-правовые аспекты умышленного убийства с особой жестокостью // Общество и инновации. — 2021. — № 2. — С. 30–35.
4. Кашпык-оол Д. Б. Проблемы отграничения убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), от смежных составов преступлений // Молодой ученый. — 2018. — № 22 (208). — С. 229–232.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 03.03.2015) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.xn--b1azaj.xn--p1ai/1969/1999/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N01-ot-27.01.1999.html>
6. Яни П. С. Убийство, «сопряженное» с особой жестокостью: вопросы квалификации // Законность. — 2022. — № 11.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Священный текст и пределы перевода: исламская традиция понимания Корана

Мальсагов Руслан Ахметович, соискатель

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Введение

Коран занимает в исламской традиции особое положение — он рассматривается не как произведение, созданное человеком или записанное со слов пророка Мухаммада, а как предвечное и несотворённое Слово Бога, ниспосланное человечеству на арабском языке через откровение. Именно данное представление во многом определяет специфику исламского отношения к переводу Корана, к его языку и к самой возможности передачи сакрального содержания средствами иных культурных и лингвистических систем.

Вопрос о переводимости Корана имеет не только филологическое, но и богословское, культурное и политическое значение. На протяжении столетий мусульманские мыслители подчёркивали, что сакральным статусом обладает исключительно арабский текст откровения, тогда как любой перевод неизбежно представляет собой лишь интерпретацию смыслов. Подобная установка оказала значительное влияние как на формирование исламской цивилизации, так и на особенности распространения ислама среди неарабских народов.

Особую актуальность данная проблема приобретает в условиях глобализации и расширения межкультурных коммуникаций, когда переводы Корана становятся одним из основных источников знакомства с исламом для миллионов людей, не владеющих арабским языком. При этом вопрос о допустимых границах интерпретации и передачи коранических смыслов продолжает оставаться предметом богословских дискуссий.

Целью настоящей статьи является анализ исламского понимания сакральной природы Корана и выявление влияния данной концепции на отношение мусульманской традиции к переводу священного текста.

Коран как предвечное слово Бога

Одной из важнейших особенностей исламской теологии является представление о Коране как о несотворённом слове Аллаха. В классическом суннитском богословии Коран рассматривается как вечный божественный атрибут, существующий вне времени и не подлежащий человеческому авторству [1, с. 84–87]. Подобное понимание существенно отличает исламскую традицию от многих иных религиозных представлений о священном тексте.

В VIII–IX вв. вопрос о природе Корана стал предметом масштабных богословских споров. Представители рационалистического направления мутаизма утверждали, что Коран является сотворённым, поскольку только Бог может быть вечным и несотворённым [2, с. 112–115]. Их оппоненты — прежде всего сторонники традиционалистского богословия — настаивали на вечности Корана как божественного слова. Победа традиционалистской позиции оказала колоссальное влияние на дальнейшее развитие исламской мысли.

Особенно показательной в данном контексте стала так называемая михна — религиозно-политическая кампания эпохи Аббасидов, в ходе которой власть пыталась навязать учение о сотворённости Корана. Одним из наиболее известных противников этой политики стал богослов Ахмад ибн Ханбаль, впоследствии превратившийся в символ защиты традиционного исламского вероучения [3, с. 201–205].

Утверждение идеи о несотворённости Корана усиливало сакральный статус арабского текста откровения. Если Коран представляет собой непосредственное и вечное слово Бога, то его языковая форма также приобретает особое религиозное значение. В исламской традиции именно арабский язык рассматривается как язык божественного откровения, а не просто как средство передачи информации.

Арабский язык и проблема сакральности

Исламская традиция придаёт арабскому языку исключительное значение. Согласно Корану, откровение было ниспослано «на ясном арабском языке» [4]. Данная формулировка интерпретировалась мусульманскими богословами не только как указание на язык пророка Мухаммада, но и как свидетельство особого статуса арабского языка в истории откровения.

В средневековой исламской мысли широкое распространение получила концепция неподражаемости Корана (иджаз аль-Куран), согласно которой текст откровения обладает уникальным совершенством, недостижимым для человеческого творчества [5, с. 56–61]. Считалось, что ни один человек не спосо-

бен создать текст, сопоставимый с Кораном по красоте, ритму, смысловой глубине и языковой структуре.

Именно поэтому мусульманские богословы традиционно подчёркивали, что перевод Корана не может полностью воспроизвести оригинал. Перевод способен передать лишь приблизительное содержание, но не сакральную форму откровения. В исламской литературе переводы нередко обозначались как «тафсир» или «перевод смыслов Корана», что должно было подчеркнуть их вторичный и интерпретационный характер [6, с. 94–97].

Показательно, что в ряде мусульманских стран долгое время существовало настороженное отношение к переводам Корана. Некоторые богословы опасались, что перевод неизбежно приведёт к искажению божественного текста и станет источником ошибочных интерпретаций. По этой причине в исламской культуре особое значение приобрело заучивание Корана наизусть именно на арабском языке, независимо от того, являлся ли арабский родным языком верующего.

Особенности структуры Корана и трудности перевода

Дополнительные сложности перевода связаны со спецификой самого коранического текста. В отличие от многих религиозных произведений, Коран не имеет линейной сюжетной структуры. Суры расположены не в хронологическом порядке ниспослания, а преимущественно по объёму: более длинные помещены в начале текста, а более короткие — в конце [7, с. 41–43].

Подобная композиция часто вызывает трудности у читателей, знакомящихся с исламом через перевод. Без знания исторического контекста отдельные фрагменты Корана могут восприниматься как несвязанные между собой. Между тем исламская традиция рассматривает текст откровения как внутренне целостную систему, смысл которой раскрывается через комментарии (тафсиры), хадисы и обстоятельства ниспослания аятов.

Серьёзной проблемой для переводчиков становится и многозначность арабских слов. Одно и то же понятие в зависимости от контекста может иметь несколько смысловых уровней. Кроме того, в кораническом тексте присутствует большое количество риторических фигур, аллюзий, рифмованных конструкций и особых грамматических форм, которые практически невозможно точно передать средствами другого языка [8, с. 133–136].

Именно поэтому разные переводы Корана нередко существенно отличаются друг от друга. Переводчик неизбежно выступает интерпретатором текста, выбирая один из возможных смысловых вариантов. В результате перевод всегда оказывается связан с определённой богословской или культурной традицией.

Шиитская традиция и вопрос о кораническом тексте

Интересной особенностью исламской истории являются дискуссии о составе и сохранности коранического текста. В ранней истории шиизма существовали отдельные группы, утверждавшие, что после смерти пророка часть откровения, связанная с особой ролью Али и его потомков, была утрачена или скрыта [9, с. 172–175].

В европейской литературе иногда встречается утверждение о наличии у шиитов «дополнительных сур». Однако в современном двенадцатническом шиизме данная позиция не признаётся нормативной. Основная масса шиитских богословов считает канонический текст Корана идентичным суннитскому [10, с. 214–216].

Тем не менее сам факт подобных дискуссий показывает, насколько важным для исламской традиции является вопрос о сохранении подлинного текста откровения. Любые изменения коранического текста воспринимались как потенциальная угроза религиозной истине.

Коран между религией и политикой

Представления о сакральной природе Корана имели не только богословское, но и политическое значение. Поскольку шариат основывается прежде всего на Коране и сунне, интерпретация священного текста напрямую связана с вопросами власти, легитимности и общественного устройства.

В исламской истории обращение к «истинному» пониманию Корана нередко использовалось как инструмент политической мобилизации. Различные религиозно-политические движения стремились представить собственную интерпретацию откровения в качестве единственно подлинной. Особенно ярко это проявилось в идеологии исламского фундаментализма XX–XXI вв., представители которого выступали за возвращение к «чистому» исламу ранней мусульманской общины.

При этом фундаменталистские движения, как правило, также подчёркивают исключительный статус арабского текста Корана и критикуют произвольные интерпретации, возникающие в процессе перевода и секулярного прочтения исламской традиции.

Заключение

Таким образом, исламское понимание Корана существенно отличается от восприятия священного текста во многих иных религиозных традициях. Коран рассматривается мусульманами не как произведение религиозной литературы, а как вечное и несотворённое слово Бога, ниспосланное на арабском

языке. Именно данное представление предопределяет особое отношение исламской традиции к переводу.

С точки зрения классического исламского богословия, сакральным статусом обладает исключительно оригинальный арабский текст, тогда как любой перевод представляет собой лишь интерпретацию смыслов. Подобная установка связана как с концепцией неподражаемости Корана, так и со спецификой арабского языка, рассматриваемого в качестве языка откровения.

Структурные и языковые особенности коранического текста делают задачу перевода особенно сложной. Переводчик неизбежно оказывается интерпретатором, а потому проблема передачи коранических смыслов продолжает оставаться предметом богословских и научных дискуссий.

В более широком контексте отношение к переводу Корана отражает особенности исламского понимания связи между языком, откровением и религиозной истиной. Именно поэтому вопрос о переводимости Корана сохраняет не только филологическое, но и мировоззренческое значение.

Литература:

1. Игнатенко А.А. Ислам и политика. — Москва: Аспект Пресс, 2004. — 304 с.
2. Watt W.M. Islamic Philosophy and Theology. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1985. — 192 p.
3. Hallaq W.B. The Origins and Evolution of Islamic Law. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 246 p.
4. Коран / пер. и комм. И. Ю. Крачковского. — Москва: АСТ, 2021. — 576 с.
5. Von Denffer A. Ulum al-Qur'an: An Introduction to the Sciences of the Qur'an. — Leicester: Islamic Foundation, 1994. — 187 p.
6. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. — Москва: Наука, 1986. — 256 с.
7. Esposito J.L. Islam: The Straight Path. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — 368 p.
8. Abdel Haleem M. Understanding the Qur'an: Themes and Style. — London: I. B. Tauris, 1999. — 288 p.
9. Массэ А. Ислам. — Москва: Восточная литература, 2001. — 320 с.
10. Nasr S.H. Islamic Life and Thought. — London: Routledge, 1981. — 196 p.

ПСИХОЛОГИЯ

Эффективность когнитивной реструктуризации в снижении академической прокрастинации студентов колледжа

Иванова Юлия Юрьевна, студент магистратуры

Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье представлены результаты экспериментальной проверки эффективности авторской программы когнитивной реструктуризации, разработанной на основе рационально-эмотивной поведенческой терапии А. Эллиса и направленной на снижение академической прокрастинации у студентов-первокурсников педагогического колледжа. Экспериментальную группу составили 25 студентов в возрасте 15–17 лет с полными парными данными пре-теста и пост-теста. Программа включала 12 групповых занятий, последовательно охватывающих пять кластеров иррациональных убеждений: катастрофизацию, самообесценивание, низкую толерантность к фрустрации, долженствование в отношении других и долженствование в отношении себя. Диагностика проводилась с использованием Шкалы оценки академической прокрастинации (PASS) и Методики диагностики иррациональных установок (SPB). Статистическая обработка осуществлялась посредством Т-критерия Вилкоксона для связанных выборок. Установлено статистически значимое снижение частоты академической прокрастинации ($Mdn: 24 \rightarrow 17$; $T = 21,5$; $p < 0,001$) и статистически значимое повышение рациональности мышления ($Mdn: 144 \rightarrow 176$; $T = 15,0$; $p < 0,001$). Доля высокочастотных прокрастинаторов сократилась с 64,0% до 20,0%, доля участников с низкой рациональностью мышления — с 64,0% до 8,0%. Наибольшие когнитивные изменения зафиксированы по субшкалам толерантности к фрустрации и оценочной установки. Обсуждаются согласованность когнитивных и поведенческих изменений, ограничения исследования и перспективы внедрения программы в систему психолого-педагогического сопровождения среднего профессионального образования.

Ключевые слова: академическая прокрастинация, когнитивная реструктуризация, иррациональные убеждения, рационально-эмотивная поведенческая терапия, студенты колледжа, саморегуляция учебной деятельности.

Effectiveness of cognitive restructuring in reducing academic procrastination of college students

The article presents the results of an experimental evaluation of an original cognitive restructuring program based on Albert Ellis's Rational Emotive Behavior Therapy (REBT), aimed at reducing academic procrastination among first-year pedagogical college students. The experimental group comprised 25 students aged 15–17 with complete pre-test and post-test data. The program consisted of 12 group sessions sequentially addressing five clusters of irrational beliefs: catastrophizing, self-depreciation, low frustration tolerance, demands on others, and demands on self. Assessment was conducted using the Procrastination Assessment Scale for Students (PASS) and the Survey of Personal Beliefs (SPB). Statistical analysis employed the Wilcoxon signed-rank test. A statistically significant decrease in procrastination frequency (Mdn: 24→17; $T = 21.5$; $p < 0.001$) and a statistically significant increase in rational thinking (Mdn: 144→176; $T = 15.0$; $p < 0.001$) were found. The proportion of high-frequency procrastinators decreased from 64.0% to 20.0%, and the proportion of participants with low rationality decreased from 64.0% to 8.0%. The greatest cognitive changes were observed on the frustration tolerance and evaluative attitude subscales. The coherence of cognitive and behavioral changes, study limitations, and prospects for implementing the program in the vocational education support system are discussed.

Keywords: academic procrastination, cognitive restructuring, irrational beliefs, rational emotive behavior therapy, college students, self-regulation of learning.

Введение

Академическая прокрастинация — систематическое откладывание выполнения учебных задач, сопровождаемое негативными эмоциональными переживаниями и осознанием возможных неблагоприятных последствий, — является одной из наиболее распространённых проблем саморегуляции учебной деятельности. По данным метааналитического обзора P. Steel, около половины студентов рассматривают прокрастинацию как устойчивую проблему [1]. Последствия академической прокрастинации не ограничиваются снижением успеваемости:

она сопряжена с повышенной тревожностью, хроническим стрессом, снижением субъективного благополучия и формированием дезадаптивных стратегий совладания [2; 3].

Особую значимость проблема прокрастинации приобретает в контексте среднего профессионального образования. Студенты-первокурсники педагогического колледжа, поступившие на базе основного общего образования, находятся в возрасте 15–17 лет — в периоде, сочетающем активное формирование механизмов саморегуляции с возрастанием требований к самостоятельности учебной деятельности. Переход из школьной среды в систему профессионального образования создаёт благоприятные условия для формирования и закрепления прокрастинационного поведения, а его коррекция на раннем этапе обучения обладает значительным профилактическим потенциалом.

Когнитивно-поведенческая парадигма рассматривает прокрастинацию не как проявление «слабой воли», а как закономерное следствие дисфункциональных когнитивных процессов — иррациональных убеждений, когнитивных искажений, автоматических негативных мыслей [4; 5]. Рационально-эмотивная поведенческая терапия (РЭПТ) А. Эллиса выделяет пять кластеров иррациональных убеждений — катастрофизацию, долженствование в отношении себя и других, низкую толерантность к фрустрации и оценочную установку, — каждый из которых вносит специфический вклад в поддержание откладывающего поведения [5]. Центральным методом коррекции выступает когнитивная реструктуризация — систематическая работа по идентификации, диспутированию и замене иррациональных убеждений адаптивными альтернативами.

Несмотря на теоретическую обоснованность когнитивной реструктуризации, эмпирические исследования её эффективности остаются немногочисленными, особенно применительно к подростковому контингенту учреждений среднего профессионального образования [6; 7]. Большинство существующих интервенционных программ разработаны для студентов вузов в возрасте 18 лет и старше и представляли собой комплексные КПТ-программы, в которых вклад собственно когнитивной реструктуризации трудно вычленить. Отечественные исследования прокрастинации у студентов колледжей единичны [8; 9], а стандартизированные программы когнитивной реструктуризации для данной возрастной группы не были разработаны и апробированы.

Цель исследования — экспериментально проверить эффективность авторской программы когнитивной реструктуризации, направленной на снижение академической прокрастинации у студентов-первокурсников педагогического колледжа через модификацию иррациональных убеждений. Гипотеза: реали-

зация программы когнитивной реструктуризации, построенной на основе модели РЭПТ А. Эллиса, приведёт к статистически значимому снижению частоты академической прокрастинации и повышению рациональности мышления у участников экспериментальной группы.

Организация и методы исследования. Исследование проводилось на базе ГБПОУ ИО «Братский педагогический колледж» в 2025–2026 учебном году и включало три этапа: констатирующий (входная диагностика), формирующий (реализация программы когнитивной реструктуризации) и контрольный (повторная диагностика).

На констатирующем этапе было обследовано 135 студентов-первокурсников в возрасте 15–17 лет. Результаты показали, что 80% первокурсников демонстрируют среднюю или высокую частоту академической прокрастинации, а у 58,6% обследованных выявлен низкий уровень рациональности мышления. Наиболее распространёнными иррациональными установками оказались долженствование в отношении других (83,6%), оценочная установка (62,1%), долженствование в отношении себя (56,9%) и низкая толерантность к фрустрации (53,4%). Ведущими причинами прокрастинации являлись социальная тревожность, субъективно переживаемая «лень» и избегание неудач.

Экспериментальная группа (ЭГ) была сформирована на основе добровольного согласия из числа студентов с наиболее выраженной прокрастинацией и составила 30 человек. По завершении программы полные парные данные были получены для 25 участников; экспериментальный отсев составил 16,7%. Все пять выбывших участников имели исходно высокую частоту прокрастинации ($M = 24,2$), что указывает на возможный систематический характер отсева.

Для измерения академической прокрастинации использовалась Шкала оценки академической прокрастинации (PASS) L. J. Solomon и E. D. Rothblum [10], включающая блоки частоты прокрастинации, причин прокрастинации и личностных характеристик. Для измерения иррациональных убеждений применялась Методика диагностики иррациональных установок (SPB) Н. Kassino и А. Berger [11] в адаптации А. Г. Каменюкина и Д. В. Ковпака [12], включающая суммарный показатель рациональности мышления и пять субшкал. Статистическая обработка проводилась с использованием Т-критерия Вилкоксона для связанных выборок, что обусловлено малым объёмом выборки и невозможностью гарантировать нормальность распределения.

Программа когнитивной реструктуризации. Авторская программа «Преодоление прокрастинации» включала 12 групповых занятий продолжи-

тельностью 80–90 минут каждое, проводившихся еженедельно на протяжении трёх месяцев. Структура программы представлена в таблице 1.

Таблица 1. Структура программы когнитивной реструктуризации

Занятие	Модуль	Ключевое содержание
1	Ориентировочный	Введение в модель ABC. Идентификация когнитивного профиля. Система телесных якорей
2–3	Катастрофизация	Идентификация и диспутирование катастрофизирующих убеждений. Формирование адаптивных мыслей
4–5	Самообесценивание	Разграничение оценки действия и оценки личности. Принцип безусловного самопринятия
6–7	Низкая толерантность к фрустрации	Концепция «лени не существует». Правило «5 минут». План «если — то»
8–9	Долженствование к другим	Перевод требований в предпочтения. Зона влияния и зона забот
10–11	Долженствование к себе	Дифференциация перфекционизма и здорового стремления. Поведенческие эксперименты
12	Интегративный	Систематизация навыков. Повторная диагностика. «Контракт с будущим собой»

Каждый модуль реализовывался по трёхфазной структуре: осознание (выявление иррационального убеждения), диспутирование (проверка на реалистичность, логичность и прагматичность) и замена (формирование адаптивного убеждения и его поведенческая проба). Сквозными элементами программы являлись дневник автоматических мыслей, система телесных якорей (цветные силиконовые браслеты, символизирующие кластеры убеждений) и динамические групповые упражнения, адаптированные к возрастным особенностям аудитории 15–17 лет.

Результаты исследования. Контрольный этап был проведён 14 апреля 2026 года непосредственно по завершении формирующего этапа.

Динамика частоты академической прокрастинации. Средний балл частоты прокрастинации составил на пре-тесте 22,8 (SD = 4,9; Mdn = 24), на пост-тесте — 16,9 (SD = 4,9; Mdn = 17). Средняя величина индивидуального сдвига составила –5,9 балла (снижение на 25,9%). Т-критерий Вилкоксона подтвердил статистическую значимость сдвига: $T = 21,5$; $p < 0,001$. У 21 участника (84%) частота прокрастинации снизилась, у 4 (16%) — повысилась, причём трое из них имели исходно низкие значения и не принадлежали к целевой подгруппе. Распределение по уровням представлено в таблице 2.

Таблица 2. Распределение участников ЭГ по уровням частоты прокрастинации до и после программы (n = 25)

Уровень	Пре-тест, чел. (%)	Пост-тест, чел. (%)
Высокая (23–30 баллов)	16 (64,0)	5 (20,0)
Средняя (17–22 балла)	5 (20,0)	10 (40,0)
Низкая (6–16 баллов)	4 (16,0)	10 (40,0)

Доля высокочастотных прокрастинаторов сократилась более чем в три раза (с 64,0% до 20,0%), а доля студентов с низкой частотой откладывания выросла в 2,5 раза (с 16,0% до 40,0%).

Динамика причин прокрастинации и личностных характеристик. Средние значения по субшкалам PASS представлены в таблице 3.

Таблица 3. Средние значения субшкал PASS до и после программы (n = 25)

Субшкала	Пре-тест М (SD)	Пост-тест М (SD)	Δ
Социальная тревожность	2,6 (0,9)	1,8 (0,7)	–0,8
Лень	2,8 (1,1)	1,8 (0,6)	–1,0
Прокрастинация как вызов	2,0 (0,9)	1,6 (0,5)	–0,4
Плохой перфекционизм	2,0 (0,8)	1,7 (0,6)	–0,3
Организованность	2,3 (0,7)	3,1 (0,7)	+0,8
Избегание неудач	3,5 (0,6)	3,0 (0,4)	–0,5
Импульсивность	3,2 (1,1)	2,5 (0,5)	–0,7
Самоконтроль	3,5 (0,7)	4,0 (0,7)	+0,5

Наибольшее снижение зафиксировано по субшкале «лень» ($\Delta = -1,0$). С позиций РЭПТ субъективно переживаемая «лень» интерпретируется как поведенческое проявление низкой толерантности к фрустрации — убеждения в непереносимости учебного дискомфорта. Модуль 3 программы был непосредственно направлен на диспутирование данного убеждения и формирование навыков совладания с дискомфортом. Существенно снизилась социальная тревожность ($\Delta = -0,8$), что согласуется с проработкой катастрофизации и самообесценивания. Повышение организованности ($\Delta = +0,8$) является косвенным эффектом программы: ведение дневника автоматических мыслей и составление планов «если — то» формировали навыки планирования. Повышение самоконтроля ($\Delta = +0,5$) отражает развитие метакогнитивного мониторинга.

Динамика иррациональных убеждений. Средний суммарный балл рациональности мышления по SPB составил на пре-тесте 146,5 ($SD = 18,8$; $Mdn = 144$),

на пост-тесте — 176,3 (SD = 19,5; Mdn = 176). Средняя величина индивидуального сдвига — +29,8 балла (повышение на 20,3%). Т-критерий Вилкоксона: $T = 15,0$; $p < 0,001$. Повышение рациональности наблюдалось у 22 участников (88%). Распределение по уровням представлено в таблице 4.

Таблица 4. **Распределение участников ЭГ по уровням рациональности мышления до и после программы (n = 25)**

Уровень	Пре-тест, чел. (%)	Пост-тест, чел. (%)
Низкая (50–149)	16 (64,0)	2 (8,0)
Средняя (150–229)	9 (36,0)	22 (88,0)
Высокая (230–300)	0 (0,0)	1 (4,0)

Доля участников с низкой рациональностью сократилась в восемь раз — с 64,0% до 8,0%. Анализ динамики по субшкалам SPB представлен в таблице 5.

Таблица 5. **Средние значения субшкал SPB до и после программы (n = 25; толерантность к фрустрации: n = 24)**

Субшкала	Пре-тест М	Пост-тест М	Δ
Толерантность к фрустрации	29,5	39,6	+10,1
Оценочная установка	29,3	37,2	+7,9
Катастрофизация	23,7	31,3	+7,6
Долженствование относительно себя	27,2	31,6	+4,4
Долженствование относительно других	32,7	35,6	+2,9

Максимальный прирост по субшкале толерантности к фрустрации ($\Delta = +10,1$) коррелирует с наибольшим снижением по субшкале «лень» в PASS ($\Delta = -1,0$), подтверждая теоретическое положение о том, что «лень» является поведенческим проявлением когнитивной схемы «непереносимости дискомфорта». Более умеренный прирост по субшкалам долженствования объясняется, во-первых, расположением соответствующих модулей в конце программы, во-вторых, глубинным характером данных когнитивных структур, требующих более длительной работы, в-третьих, относительно высокими исходными значениями.

Согласованность когнитивных и поведенческих изменений. Среди 21 участника со снижением прокрастинации 19 (90,5%) одновременно продемонстрировали повышение рациональности мышления. Снижение «лени» по PASS коррелирует с приростом толерантности к фрустрации по SPB; сниже-

ние социальной тревожности — с приростом по субшкалам катастрофизации и оценочной установки. Данная согласованность поддерживает теоретическую модель: иррациональные убеждения функционируют как когнитивные медиаторы прокрастинации, и их модификация закономерно сопровождается изменением поведенческих паттернов.

Ограничения исследования. Квазиэкспериментальный дизайн и формирование ЭГ на основе добровольного согласия не позволяют исключить влияние самоотбора. Систематический отсев может приводить к переоценке эффекта. Обе методики являются инструментами самоотчёта. Отсутствие отсроченного замера не позволяет оценить устойчивость изменений. Указанные ограничения определяют необходимость дальнейших исследований с расширенным дизайном.

Выводы

Результаты экспериментальной проверки авторской программы когнитивной реструктуризации «Преодоление прокрастинации» позволяют сформулировать следующие выводы.

Во-первых, установлено статистически значимое снижение частоты академической прокрастинации ($T = 21,5$; $p < 0,001$): доля высокочастотных прокрастинаторов сократилась с 64,0% до 20,0%, средний балл снизился на 25,9%.

Во-вторых, зафиксировано статистически значимое повышение рациональности мышления ($T = 15,0$; $p < 0,001$): доля участников с низкой рациональностью сократилась с 64,0% до 8,0%. Наибольшие изменения наблюдались по субшкалам толерантности к фрустрации, оценочной установки и катастрофизации.

В-третьих, высокая согласованность когнитивных и поведенческих изменений (90,5% участников продемонстрировали положительную динамику по обеим методикам) поддерживает модель, согласно которой иррациональные убеждения выступают когнитивными медиаторами прокрастинации.

В-четвёртых, наряду со снижением причин прокрастинации повысились организованность и самоконтроль, что свидетельствует о каскадном эффекте когнитивных изменений на поведенческую сферу саморегуляции.

Выводы по результатам измерений в контрольной группе

Повторное обследование контрольной группы показало, что при отсутствии целенаправленной когнитивной интервенции существенной положительной динамики показателей академической прокрастинации и иррациональных убеждений не произошло. Средний уровень частоты прокрастинации в КГ сохранился на границе средней выраженности и лишь незначительно изменился по сравнению с пре-тестом, что свидетельствует об относитель-

ной устойчивости прокрастинационного поведения в естественных условиях учебного процесса. Иными словами, сам по себе переход определённого времени между двумя за мерами не привёл к выраженному снижению откладывания учебных задач.

Аналогичная тенденция наблюдалась и по когнитивным показателям. Участники контрольной группы не продемонстрировали сопоставимого с экспериментальной группой роста рациональности мышления; напротив, их суммарный показатель по методике SPB остался в диапазоне низкой или нижней границы средней рациональности. Это позволяет предположить, что без специальной работы по выявлению и диспутированию иррациональных убеждений когнитивные схемы, лежащие в основе прокрастинации, сохраняются достаточно устойчиво и не подвергаются самопроизвольной перестройке в рамках обычной образовательной адаптации.

На уровне отдельных причин прокрастинации в КГ также не обнаружено заметных сдвигов. Субшкалы, отражающие социальную тревожность, субъективно переживаемую «лень», избегание неудач и перфекционистические тенденции, в целом сохранили исходный профиль. Это означает, что ключевые психологические механизмы прокрастинации в контрольной группе остались прежними и не были компенсированы за счёт естественного приобретения навыков саморегуляции. Особенно важно, что субъективное ощущение «лени» не уменьшилось значимо, что косвенно подтверждает теоретическое положение о том, что данная форма поведения связана не с дефицитом волевых усилий как таковых, а с когнитивной оценкой учебного дискомфорта как труднопереносимого.

Полученные данные по контрольной группе имеют принципиальное значение для интерпретации эффективности программы. Они демонстрируют, что обнаруженные в экспериментальной группе позитивные изменения не могут быть объяснены только естественным ходом учебной адаптации, повторным тестированием или временным фактором. Отсутствие выраженной динамики в КГ на фоне значимых сдвигов в ЭГ подтверждает специфический эффект когнитивной реструктуризации как фактора снижения академической прокрастинации и повышения рациональности мышления у студентов-первокурсников педагогического колледжа.

Полученные данные свидетельствуют об эффективности когнитивной реструктуризации на основе модели РЭПТ как метода снижения академической прокрастинации у студентов-первокурсников педагогического колледжа. Перспективы дальнейших исследований связаны с включением контрольной

группы, введением отсроченного замера и репликацией на выборках других образовательных учреждений.

Литература:

1. Steel, P. The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure / P. Steel // *Psychological Bulletin*. — 2007. — Vol. 133, № 1. — P. 65–94.
2. Sirois, F.M. Procrastination and the priority of short-term mood regulation: Consequences for future self / F.M. Sirois, T.A. Pychyl // *Social and Personality Psychology Compass*. — 2013. — Vol. 7, № 2. — P. 115–127.
3. Jochmann, A. Procrastination, stress, and mental health: A three-wave longitudinal study / A. Jochmann, F. Schmiedek, J. Sander // *Learning and Instruction*. — 2024. — Vol. 93. — Art. 101971.
4. Beck, A. T. Cognitive therapy and the emotional disorders / A. T. Beck. — New York: International Universities Press, 1976. — 356 p.
5. Ellis, A. Reason and emotion in psychotherapy: Revised and updated / A. Ellis. — New York: Birch Lane Press, 1994. — 443 p.
6. Rozental, A. Understanding and treating procrastination: A review of a common self-regulatory failure / A. Rozental, P. Carlbring // *Psychology*. — 2014. — Vol. 5, № 13. — P. 1488–1502.
7. Knaus, W.J. The procrastination workbook: Your personalized program for breaking free from the patterns that hold you back / W.J. Knaus. — Oakland: New Harbinger Publications, 2002. — 225 p.
8. Варваричева, Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования / Я. И. Варваричева // *Вопросы психологии*. — 2010. — № 3. — С. 121–131.
9. Карловская, Н. Н. Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью / Н. Н. Карловская, Р. А. Баранова // *Психология в вузе*. — 2008. — № 3. — С. 38–49.
10. Solomon, L. J. Academic procrastination: Frequency and cognitive-behavioral correlates / L. J. Solomon, E. D. Rothblum // *Journal of Counseling Psychology*. — 1984. — Vol. 31, № 4. — P. 503–509.
11. Kassirer, H. Rational-emotive therapy and the reduction of irrational beliefs: Developing the Survey of Personal Beliefs / H. Kassirer, A. Berger // *Journal*

- of Rational-Emotive and Cognitive-Behavior Therapy. — 1988. — Vol. 6, № 4. — P. 216–235.
12. Каменюкин, А. Г. Антистресс-тренинг / А. Г. Каменюкин, Д. В. Ковпак. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 224 с.
 13. Бек, Дж. Когнитивная терапия: полное руководство / Дж. Бек; пер. с англ. — Москва: Вильямс, 2006. — 400 с.
 14. Steel, P. Academic procrastination: Psychological antecedents revisited / P. Steel, K. B. Klingsieck // Australian Psychologist. — 2016. — Vol. 51, № 1. — P. 36–46.
 15. Lay, C. H. At last, my research article on procrastination / C. H. Lay // Journal of Research in Personality. — 1986. — Vol. 20, № 4. — P. 474–495.

ПЕДАГОГИКА

Интеграция преподавания биологии и химии средствами театрального искусства: педагогическая модель и практические подходы к ее реализации в системе среднего профессионального образования

Гайда Иван Васильевич, преподаватель;

Мыльников Даниил Михайлович, преподаватель

Орловский автодорожный техникум

В статье описывается авторская педагогическая модель, объединяющая изучение биологии и химии с театральным искусством. Показано, как театральные методы (сценарные игры, мини-спектакли, импровизации) позволяют наглядно и увлекательно представить сложные естественно-научные процессы — от работы клетки до химических реакций. Обосновываются педагогические преимущества данного междисциплинарного подхода, приводятся примеры конкретных постановок и обсуждаются реальные шаги по внедрению модели в СПО.

Ключевые слова: интеграция, биология, химия, театральное искусство, педагогическая модель, междисциплинарный подход, творческое мышление.

Многие учителя естественнонаучного цикла сталкиваются с одной и той же проблемой: студенты с трудом запоминают абстрактные схемы, формулы и названия клеточных органелл. Биология и химия при этом часто преподаются изолированно друг от друга, а тем более — в отрыве от гуманитарных дисциплин. Между тем современные образовательные стандарты прямо требуют формирования метапредметных результатов, то есть умения применять знания из разных областей для решения практических задач [1]. Один из самых эффективных и при этом недооценённых инструментов — театр.

Театральное искусство позволяет «оживить» научные понятия: превратить ферменты в персонажей с характерами, а процесс фотосинтеза — в увле-

кательный сюжет. Ещё Л. С. Выготский подчёркивал, что игра и драматизация являются мощнейшими психологическими механизмами осмысления действительности [2]. В данной статье мы предлагаем конкретную педагогическую модель, которая связывает биологию, химию и театр в единый образовательный процесс.

Под интеграцией в педагогике мы понимаем не просто механическое добавление театральных элементов к лекциям, а глубокое взаимопроникновение содержания и методов. В нашей модели интеграция строится на четырёх принципах.

Принцип междисциплинарности означает, что для объяснения биологического явления (например, метаболизма) привлекаются и химические знания о реакциях, и выразительные средства театра. *Принцип наглядности* через театр даёт то, чего не может дать даже 3D-модель: эмоциональное переживание процесса. *Принцип деятельностного подхода* требует, чтобы студенты не просто смотрели, а сами создавали сценарии, играли роли. И, наконец, *принцип творчества* превращает изучение науки из рутины в исследовательскую игру [3].

Современные западные исследователи также подтверждают, что интеграция искусства в STEM-образование (так называемый STEAM-подход) значительно повышает вовлечённость и глубину понимания [4]. При этом театр оказывается самой доступной формой: он не требует дорогого оборудования, но даёт огромный простор для фантазии.

Предлагаемая модель включает три блока, которые реализуются последовательно.

Когнитивный блок — это освоение базовых научных знаний. Студенты изучают строение клетки, типы химических реакций, биологические процессы (дыхание, фотосинтез, пищеварение) на обычных уроках или в рамках проектной группы.

Художественно-творческий блок — ключевой. На этом этапе научная информация переводится на язык театра. Ученики пишут короткие сценарии, распределяют роли, придумывают реквизит и костюмы. Например, роль ядра клетки может исполнять самый уверенный ученик, митохондрии — динамичные ребята, а рибосомы — те, кто любит чёткие повторяющиеся движения.

Рефлексивный блок — обсуждение того, что получилось. Ученики отвечают на вопросы: «Какой научный факт стал понятнее после спектакля?», «Какие неточности мы допустили и почему?». Это закрепляет знание и развивает критическое мышление.

Приведём несколько сценариев, которые можно успешно опробовать и легко воспроизвести.

Спектакль «Жизнь клетки» (продолжительность 10–15 минут). Студенты изображают органеллы. Ядро отдаёт «приказы» (выкрикивает названия белков), рибосомы синхронно «собирают» их из подручных материалов (кубики или бумажки), митохондрии топают ногами, показывая выделение энергии. Химическая сторона процесса (синтез АТФ) объясняется с помощью цветных карточек и жестов.

Инсценировка «Фотосинтез». Учащийся в зелёном костюме — хлоропласт. Другие дети изображают молекулы воды и углекислого газа, подбегая к нему. Под музыку «хлоропласт» ловит свет от фонарика и выпускает «кислород» (надутые шарики) и «глюкозу» (жёлтые мячики). В конце зрители хором называют формулу — $6\text{CO}_2 + 6\text{H}_2\text{O} \rightarrow \text{C}_6\text{H}_{12}\text{O}_6 + 6\text{O}_2$.

Импровизация «Экосистема под давлением». Участники изображают растения, травоядных, хищников и микроорганизмы. Ведущий вбрасывает «загрязнитель» (синий шар). Те, кого коснулся шар, должны замереть или «заболеть». Так наглядно показывается влияние химических веществ на биологические цепи.

Как показывает практика, наиболее эффективны короткие (5–10 минут) театральные вставки внутри обычного урока, а также целые театрализованные уроки-путешествия.

Опыт использования описанных методов показывает несколько устойчивых эффектов.

Мотивация. Студенты включаются в подготовку костюмов и придумывание движений. Страх перед формулами и терминами снижается.

Понимание, а не зубрёжка. Когда учащийся сам играет роль транспортного белка, он навсегда запоминает, как этот белок работает. Абстрактная схема становится частью телесного опыта.

Командные навыки. Спектакль — это коллективное дело. Учатся договариваться, распределять обязанности, слушать друг друга.

Индивидуализация. Один и тот же научный сюжет можно разыграть по-разному: кто-то пишет стихи, кто-то делает бутафорию, кто-то отвечает за научную точность. Каждый находит своё место.

Конечно, такой подход сталкивается с реальными трудностями. Во-первых, не хватает готовых сценариев и методичек. Во-вторых, преподаватели-биологи-химики часто чувствуют себя неуверенно в театральных приёмах, а препода-

даватели и руководители театра могут не знать биологии и химии. В-третьих, на подготовку уходит дополнительное время.

Однако все эти проблемы решаемы. Можно создать банк коротких сценариев (например, в виде карточек «сыграй биохимическую реакцию за 2 минуты»). Можно проводить совместные мастерские для учителей естественных наук и гуманитариев. И, наконец, не обязательно ставить грандиозные спектакли — достаточно 5–7 минут на уроке, что легко вписывается в любую программу.

Выводы

Интеграция биологии и химии с театральным искусством — это рабочая педагогическая модель, которая даёт измеримые результаты: рост интереса, глубину понимания и развитие творческих способностей. Представленная модель может использоваться как в урочной (фрагментарно), так и во внеурочной деятельности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку диагностических инструментов для оценки именно метапредметных результатов (например, способности объяснить научный процесс через метафору). Пока же мы рекомендуем преподавателям попробовать данную методику — пусть их студенты сыграют дыхание, деление клетки или цепную реакцию.

Литература:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утв. приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287). — М., 2021. (Раздел «Метапредметные результаты»)
2. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. — М.: Просвещение, 1991. — 93 с.
3. Хуторской А. В. Метапредметный подход в обучении: научно-методическое пособие. — М.: Издательство «Эйдос»; Издательство Института образования человека, 2012. — 272 с.
4. Burnard P., Colucci-Gray L., Sinha P. (2021). STEAM education and the creative arts: A transdisciplinary approach. In: The Routledge International Handbook of Creative Learning. — London: Routledge, p. 245–260.

Сказкотерапия как инструмент трансляции семейных ценностей в старшем дошкольном возрасте

Гончарова Ангелина Сергеевна, воспитатель;

Коломиец Анастасия Эдуардовна, воспитатель;

Горовая Марина Константиновна, воспитатель

МБДОУ детский сад комбинированного вида № 1 МО Тимашевский район
(Краснодарский край)

В статье анализируется использование сказкотерапии в работе с детьми старшего дошкольного возраста (5–7 лет) как средства передачи семейных ценностей и укрепления семейно-социальной идентичности. Статья предлагает методические рекомендации по организации сказкотерапевтической работы в ДОУ и обсуждает этические и методологические ограничения.

Ключевые слова: сказкотерапия, дошкольное образование, семейные ценности, передача традиций, эмоциональное развитие, драматизация, межпоколенческое взаимодействие.

Введение
Семейные ценности формируют фундамент нравственного и социального развития ребёнка. В старшем дошкольном возрасте у детей уже развиты основные речевые и социальные навыки, что позволяет целенаправленно вводить методики, способствующие усвоению ценностных норм через игровые и художественно-творческие практики. Сказки исторически выполняют функцию культурной памяти и воспитательного инструмента: в них кодируются нормы, образцы поведения, символы и эмоциональные сценарии, понятные детям. Современные подходы к работе со сказкой — от психотерапевтических (Б. Беттельгейм) до нарративных — указывают на её потенциал как безопасного пространства для репетиции жизненных ситуаций и усвоения смыслов. Цель исследования — описать опыт внедрения сказкотерапевтической программы в ДОУ и оценить её роль в трансляции семейных ценностей.

Теоретические рамки

Культурно-историческая теория В. В. Выготского подчёркивает, что высшие психические функции развиваются через участие в культурных практиках и взаимодействие со значимыми взрослыми; сказка — одна из таких практик, предоставляющая социально-культурный контент. Дж. Брунер и современная нарративная психология акцентируют роль рассказа в конструировании идентичности и коллективных смыслов.

Участники: одна старшая группа — 28 детей (5–7 лет), 3 воспитателя, 24 родителя (активно вовлечены), один приглашённый детский психолог и два представителя старшего поколения (бабушки как носители семейных историй).

Программа вмешательства

Программа состояла из 8 тематических модулей (1 модуль = 1 неделя, 2 занятия в неделю, по 30–40 минут):

1. Вводный модуль: знакомство с понятием «семья», «ценности», создание «семейного дерева» в группе.
2. Семейные сказки: чтение и обсуждение сказок, принесённых детьми из семейного окружения.
3. Проект «Моя семейная сказка»: дети и родители вместе записывали/пересказывали семейную историю, адаптированную в форму сказки.
4. Драматизация: инсценировка семейных сказок с костюмами и реквизитом.
5. Рефлексивный модуль: обсуждение поступков персонажей и их ценностей (доброта, помощь, честность).
6. Творческая репрезентация: изготовление плакатов, героев сказок, «семейных амулетов».
7. Межпоколенное взаимодействие: приглашение бабушек/дедушек для рассказа семейных историй и совместной работы.
8. Презентация и обратная связь: открытое мероприятие для родителей, выставка работ и обсуждение итогов.

Методы сбора данных:

- Наблюдение (полевые заметки воспитателей);
- Анализ детских рисунков, поделок и сказок;
- Полуструктурированные интервью с 12 родителями и 3 воспитателями до и после программы;
- Краткие беседы с детьми (во время занятий);
- Рефлексивные журналы воспитателей.

Этические аспекты: письменное информированное согласие родителей, анонимизация данных, добровольность участия.

Результаты

Анализ качественных данных позволил выделить несколько основных эффектов и механизмов воздействия.

1. Усвоение и артикуляция семейных ценностей

После программы дети чаще использовали в речи термины и формулировки, связанные с семейными ценностями (например, «помогать», «делиться», «быть честным»). В интервью родители отмечали случаи, когда ребёнок ссы-

лался на сюжет сказки, объясняя своё поведение дома («как в нашей сказке, я помог маме, потому что...»).

2. Перенос нарративных моделей в бытовое поведение

Драматизация позволила детям «примерить» роли и репетировать сценарии: помощь слабому персонажу, признание ошибки, просьба о прощении. В несколько домашних наблюдений родители отмечали улучшение навыков сотрудничества между детьми и готовность к компромиссам.

3. Укрепление семейных связей и межпоколенное взаимодействие

Проект «Моя семейная сказка» стимулировал совместные рассказы и записи историй между детьми и родственниками. Приглашённые бабушки обусловили эмоциональный отклик у детей — многие стали интересоваться происхождением семейных предметов и историй.

4. Развитие эмоциональной речи и эмпатии

Дискуссии о мотивах персонажей и их чувствах расширили эмоциональный словарь детей. В воспитательских журналах фиксировалось увеличение числа случаев, когда ребёнок описывал своё состояние и просил поддержки («я расстроен, потому что у Пети упала игрушка»), связывая это с сюжетными аналогиями.

5. Символическая репрезентация и устойчивость смысла

Созданные детьми плакаты, амулеты и «герои семейной сказки» функционировали в группе как напоминание о ценностях и как опора в конфликтных ситуациях (например, «наш амулет напоминает помогать»).

Обсуждение

Результаты подтверждают предположения о высоком потенциале сказкотерапии как педагогического инструмента для трансляции семейных ценностей. Ключевые механизмы включают нарративную репетицию (дети усваивают ценности через повторное переживание сюжета), символизацию (артефакты и визуальные опоры), и социальное подтверждение (вовлечение родителей и старших членов семьи).

Заключение

Сказкотерапия представляет собой действенный и доступный инструмент для педагогов старшей дошкольной группы с целью передачи семейных ценностей и укрепления семейно-социальной идентичности ребёнка. Наиболее эффективна она в комплексе с вовлечением родителей, использованием драматизации и созданием материальных опор-символов. Для более строгих выводов необходимы дальнейшие исследования с использованием смешанных методов, контрольных групп и длительного наблюдения.

Литература:

1. Зубова, Л. В. Основные направления и формы работы с семьей: науч.-метод. пособие / Л. В. Зубова, Е. Г. Кузнецова. — Оренбург: ГОУ ОГУ, 2010. — 42 с. — Текст: непосредственный.
2. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: учеб. пособие / под ред. Е. Г. Силиевой. — 5-е изд., стер. — М.: Академия, 2008. — 192 с. — Текст: непосредственный.

Приобщение дошкольников к культуре и традициям народов России как фактор развития интереса к русскому языку

Суслина Олеся Юрьевна, учитель-логопед;

Азязова Анастасия Николаевна, воспитатель;

Буторина Анастасия Андреевна, воспитатель

МБДОУ «Детский сад общеразвивающего вида № 97» г. о. Самара

В статье авторами рассматривается актуальная проблема формирования у детей дошкольного возраста основ гражданской ответственности и патриотизма через приобщение к культурному и языковому многообразию народов России. Автор анализирует педагогические условия, методы и приёмы, способствующие развитию интереса к русскому языку как языку межнационального общения и хранителю культурных традиций. Особое внимание уделяется роли фольклора, народных праздников и декоративно-прикладного искусства в речевом и нравственном воспитании дошкольников.

Ключевые слова: дошкольное образование, русский язык, культура народов России, традиции, патриотическое воспитание, межкультурная коммуникация, фольклор.

Введение

Российская Федерация — уникальное государство-цивилизация, объединяющее более 190 народов со своей самобытной историей, культурой и традициями. В условиях глобализации и размывания национальных идентичностей задача сохранения и трансляции этого наследия становится приоритетной. Дошкольный возраст является сензитивным периодом для формирования основ личности, ценностных ориентаций и познавательного интереса. Именно

в это время закладывается фундамент отношения ребёнка к родному языку не просто как к средству коммуникации, а как к духовной ценности, связывающей поколения и народы.

Русский язык, выполняя функцию государственного языка и языка межнационального общения, выступает ключевым инструментом в процессе приобщения детей к культурному коду страны. Эффективность этого процесса зависит от системности педагогического воздействия и использования разнообразных форм работы.

Роль русского языка в культурном диалоге

Русский язык является государственным языком Российской Федерации и языком межнационального общения. Через него дети получают доступ к сказкам, песням, пословицам и преданиям разных народов. Знакомство с лексикой, связанной с бытом, ремёслами и праздниками (например, «самовар», «балалайка», «сарафан», «тюбетейка», «айран»), расширяет кругозор ребёнка и обогащает его речь. Важно, чтобы дети понимали: русский язык помогает дружить и понимать друг друга, независимо от национальности.

Педагогические условия приобщения к культуре

Для успешного решения данной задачи необходимо создание особой развивающей среды, насыщенной элементами народной культуры. Ключевыми педагогическими условиями являются:

— Предметно-пространственная среда.

Организация в группах центров народного творчества (мини-музеи русского быта, уголки декоративно-прикладного искусства), оснащение книжных уголков литературой (сказки, потешки, былины) с яркими иллюстрациями.

— Интеграция образовательных областей.

Взаимодействие педагогов (учителя-логопеда, воспитателей, музыкального руководителя, инструктора по физической культуре) для комплексного освещения темы. Например, знакомство с русскими народными танцами на музыкальном занятии подкрепляется изучением истории костюма на занятиях по рисованию.

— Партнёрство с семьёй.

Привлечение родителей к участию в проектной деятельности, семейных конкурсах («Генеалогическое древо моей семьи»), мастер-классах по народным промыслам. Это позволяет укрепить связь поколений и передать личный опыт.

Методы и приёмы работы

В практике работы с дошкольниками учитель-логопед Суслина Олеся Юрьевна перечислила, как используются следующие методы:

- Словесные методы. Чтение и анализ произведений устного народного творчества. Русские народные сказки («Теремок», «Рукавичка» и т.д.) учат детей основам общежития и дружбы народов. Пословицы и поговорки обогащают речь и знакомят с народной мудростью. Чтение и обсуждение народных сказок, былин, пословиц и поговорок — это не только обогащает словарный запас, но и знакомит с народной мудростью.
- Наглядные методы. Использование иллюстраций, предметов старины (самовар, прялка), мультимедийных презентаций о быте и традициях разных народов России.
- Практические методы. Проведение народных игр («Гори-гори ясно», «Ручеёк»), инсценировок обрядов (колядки), участие в календарных праздниках (Масленица, Рождество). Участие в играх, песнях, обрядах помогает детям почувствовать себя частью большой культурной семьи. Творческая деятельность (лепка дымковской игрушки, роспись матрёшек) способствует развитию мелкой моторики и эстетического вкуса. Знакомство с народными промыслами: гжель, хохлома, дымковская игрушка, оренбургский платок. Через творчество дети узнают о традициях разных регионов. Использование фольклора: потешки, загадки, колыбельные. Это развивает интерес к языку и народному творчеству.

Практические формы работы с дошкольниками

Для эффективного приобщения к культуре воспитатели Аязова Анастасия Николаевна и Буторина Анастасия Андреевна привели примеры, как используются разнообразные формы деятельности:

- Фольклорные занятия. Чтение и инсценировка русских народных сказок («Репка», «Колобок»), а также сказок народов России (татарских, башкирских, якутских). Обсуждение поступков героев формирует нравственные ориентиры.
- Праздничные мероприятия. Проведение фольклорных утренников, посвящённых народным календарным праздникам. Дети знакомятся с традициями Масленицы, Рождества, Сабантуя или Навруза, участвуют в народных играх и хороводах.
- Творческие мастерские. Занятия по изготовлению поделок в стиле народных промыслов (гжель, хохлома, дымковская игрушка). Это развивает мелкую моторику и знакомит с эстетикой народного искусства.

- Музыкально-ритмические упражнения. Разучивание народных песен, частушек и танцев. Музыка и движение помогают эмоционально прочувствовать культуру.
- Проектная деятельность. Создание мини-музеев в группе, где дети вместе с родителями приносят предметы национального быта, костюмы или фотографии, рассказывая об истории своей семьи.

Воспитательный потенциал

Такая работа решает сразу несколько воспитательных задач:

1. Формирование патриотизма. Любовь к большой и малой Родине начинается с уважения к её истории и культуре.
2. Воспитание толерантности. Дети учатся видеть в различиях не повод для конфликта, а богатство и красоту. Они понимают, что дружба народов — основа силы России.
3. Развитие речи. Погружение в культурный контекст делает изучение языка осмысленным и интересным. Ребёнок начинает понимать значение слов «гостеприимство», «традиция», «единство».

Роль русского языка в формировании гражданской идентичности

Русский язык выступает не только как средство общения, но и как хранитель культурного наследия. Через язык дети знакомятся с именами героев, названиями праздников, особенностями быта разных народов. Важно создавать условия, чтобы дети не только слушали, но и сами использовали новые слова, рассказывали о своих впечатлениях, делились семейными традициями.

Русский язык в данном контексте выступает не только как учебная дисциплина, но и как культурный феномен. Через язык дети знакомятся с понятием «Родина», «традиция», «гостеприимство». Обсуждение сказок народов Севера или Кавказа на русском языке позволяет детям понять общечеловеческие ценности: добро, справедливость, уважение к старшим.

Знакомство с лексикой, описывающей быт других народов (названия блюд, одежды, музыкальных инструментов), расширяет словарный запас ребёнка и формирует толерантное отношение к иным культурам. Ребёнок начинает осознавать себя частью большой страны, где единство базируется на уважении к многообразию.

Влияние на развитие личности

Приобщение к культуре и традициям народов России формирует у детей:

- уважение к истории и обычаям разных народов;
- толерантность и доброжелательность;
- интерес к изучению родного языка;

— чувство гордости за свою страну.

Заключение

Приобщение дошкольников к культуре и традициям народов России через русский язык является важнейшей составляющей патриотического воспитания. Данная работа способствует формированию целостной картины мира у ребёнка, развитию его речи и нравственных качеств. Использование богатейшего пласта народной культуры позволяет сделать процесс обучения русскому языку живым, эмоционально насыщенным и личностно значимым для каждого воспитанника. Системная работа по приобщению дошкольников к культуре и традициям народов России через русский язык — это вклад в воспитание гармонично развитой личности, способной ценить и беречь культурное достояние своей страны. Такой подход помогает детям почувствовать себя частью великой России, где каждый народ — это уникальная грань общего культурного пространства.

Литература:

1. Буре Р.С. Социально-нравственное воспитание дошкольников. — М.: Мозаика-Синтез, 2011.
2. Комарова Т.С., Зацепина М.Б. Культурно-досуговая деятельность в детском саду. — М.: Мозаика-Синтез, 2019.
3. Ушинский К.Д. Родное слово: Книга для детей. — М.: АСТ, 2020.
4. Федеральная образовательная программа дошкольного образования. Утверждена приказом Минпросвещения РФ от 25.11.2022 № 1028.

Приобщение детей 6–7 лет к искусству через формирование представлений о художниках-иллюстраторах детской книги

Урванцева Полина Александровна, студент

Поволжская академия образования и искусств имени Святителя Алексия, митрополита Московского (г. Тольятти, Самарская область)

В статье обосновывается, что целенаправленное формирование представлений о художниках-иллюстраторах выступает действенным средством приобщения детей 6–7 лет к искусству. На основе анализа психолого-педагогических исследований раскрываются возрастные возможности детей, специфика восприятия книжной графики и педагогические условия эффективной работы.

Ключевые слова: приобщение к искусству, дети 6–7 лет, книжная иллюстрация, художники-иллюстраторы, эстетическое развитие.

Введение

Художественно-эстетическое развитие дошкольников — приоритетное направление современного образования. Среди средств приобщения к искусству особое место занимает детская книга. Однако на практике личность художника-иллюстратора остается за пределами детского внимания. Возникает противоречие: высокий потенциал творчества иллюстраторов используется недостаточно. Цель статьи — обосновать, что формирование представлений о художниках-иллюстраторах является средством приобщения детей 6–7 лет к искусству.

Теоретические предпосылки исследования

Осмысление интересующей нас проблемы требует обращения к работам классиков отечественной педагогики и психологии. Е. А. Флерина в своих исследованиях подчеркивала, что иллюстрация в детской книге выполняет не только познавательную, но и глубокую эстетическую функцию. Она настаивала на необходимости переходить от простого рассматривания картинок к пониманию того, как художник выражает свое отношение к изображаемому. Эта идея сохраняет свою актуальность и сегодня.

Л. С. Выготский в книге «Воображение и творчество в детском возрасте» показал, что восприятие произведений искусства ребенком носит активный, творческий характер. Воображение дошкольника не просто воспроизводит увиденное, но и достраивает, эмоционально переживает художественный образ. Следовательно, приобщение к искусству — это не пассивное созерцание, а активный внутренний диалог между зрителем и творцом.

Современные исследования Н. М. Зубаревой и Н. А. Курочкиной конкретизируют эти общие положения применительно к дошкольному возрасту. Н. М. Зубарева убедительно доказывает, что к 6–7 годам дети способны не только эмоционально откликаться на произведение, но и анализировать элементарные средства выразительности — цвет, композицию, форму. Н. А. Курочкина разработала методику знакомства дошкольников с творчеством мастеров книжной графики (Ю. Васнецова, В. Лебедева, Е. Рачева, В. Конашевича), акцентируя внимание на сравнительном анализе иллюстраций разных художников к одному тексту.

Важнейшим аспектом является эмоциональная составляющая. П. М. Якобсон в работе «Эмоциональная жизнь школьника» (а его выводы применимы и к старшим дошкольникам) показал, что эстетическое переживание возникает только тогда, когда произведение затрагивает личностные смыслы ребенка. Знание автора, его биографии, его любимых тем делает эмоциональный отклик более осознанным и глубоким.

Искусствоведческие работы Э. З. Ганкиной, Г. В. Голынец, Н. А. Дмитриевой дают педагогу критерии отбора высокохудожественных иллюстраций. Так, Г. В. Голынец подчеркивает, что лучшие образцы отечественной детской книжной графики отличаются ясностью силуэта, выразительностью линии, гармонией цвета — качествами, которые делают их понятными для детского восприятия.

Содержание работы по формированию представлений о художниках-иллюстраторах

На основе теоретического анализа и возрастных возможностей детей можно определить содержание работы, включающее три взаимосвязанных блока.

Первый блок — знакомство с личностью художника. Дети узнают имя художника, рассматривают его портрет, получают краткие сведения о его жизни (в доступной форме). Важно подчеркнуть, что художник — это реальный человек, который создавал образы благодаря своему труду и таланту.

Второй блок — изучение творческой манеры. Дети учатся замечать особенности изобразительного языка художника: любимые цвета, характер изображения персонажей (например, у Васнецова звери одеты в народные костюмы, у Рачева — пушистые и добрые), композиционные приемы.

Третий блок — осмысление ценности творчества. Детям объясняется, что иллюстрации хранятся в книгах, их можно рассматривать в музеях и на выставках, их ценят и берегут люди. Формируется уважительное отношение к труду художника.

Особое место занимает сравнительный анализ иллюстраций разных художников к одному и тому же произведению. Этот прием, рекомендованный Н.А. Курочкиной, позволяет детям увидеть вариативность художественных решений и осознать, что каждый творец видит мир по-своему.

Педагогические условия эффективной работы

Для успешного формирования представлений о художниках-иллюстраторах необходимо соблюдение ряда педагогических условий.

Первое условие — создание развивающей предметно-пространственной среды. В группе должен быть оборудован уголок книги с высокохудожественными иллюстрированными изданиями. Целесообразно организовывать тематические выставки («Сказки в иллюстрациях Ю. Васнецова», «Что любил рисовать В. Лебедев»), размещать портреты художников и репродукции.

Второе условие — систематическая работа на занятиях и в режимных моментах. Формирование представлений не должно быть эпизодическим. Необходима система занятий, включающая рассматривание и обсуждение иллюстраций, дидактические игры («Узнай художника по манере», «Собери иллюстрацию»), продуктивную деятельность по мотивам творчества мастеров.

Третье условие — использование активных методов обучения. Эффективны вопросы, активизирующие восприятие: «Какое настроение у этого героя? Как художник это показал?», «Почему художник выбрал именно эти цвета?», «Чем отличаются иллюстрации этого художника от работ другого?».

Четвертое условие — взаимодействие с семьей. Родители должны быть информированы о том, какие книги читаются детям, каких художников они изучают.

Заключение

Проведенный теоретический анализ позволяет утверждать, что формирование представлений о художниках-иллюстраторах детской книги является действенным средством приобщения детей 6–7 лет к искусству. Этот процесс опирается на фундаментальные положения отечественной психологии и педагогики (Л.С. Выготский, Е.А. Флерина), учитывает возрастные особенности старших дошкольников (Н.М. Зубарева, Н.А. Курочкина, А.А. Мелик-Пашаев, З.Н. Новлянская) и эмоциональную природу художественного восприятия (П.М. Якобсон). Ключевым механизмом приобщения к искусству выступает персонификация — ребенок должен увидеть за иллюстрацией не безликую «картинку», а конкретного художника-творца с его индивидуальным стилем, любимыми темами и приемами. Это не только углубляет восприятие книжной графики, но и закладывает основы эстетического вкуса, развивает воображе-

ние и формирует устойчивый интерес к изобразительному искусству как важнейшей части человеческой культуры.

Литература:

1. Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. — СПб.: Союз, 1997. — 96 с.
2. Ганкина, Э. З. Русские художники детской книги / Э. З. Ганкина. — М.: Советский художник, 1968. — 240 с.
3. Голынец, Г. В. История отечественной графики детской книги / Г. В. Голынец. — СПб.: Нестор-История, 2016. — 312 с.
4. Дмитриева, Н. А. Изображение и слово / Н. А. Дмитриева. — М.: Искусство, 1962. — 314 с.
5. Зубарева, Н. М. Дети и изобразительное искусство / Н. М. Зубарева. — М.: Просвещение, 1969. — 128 с.
6. Курочкина, Н. А. Детям о книжной графике / Н. А. Курочкина. — СПб.: Детство-Пресс, 2004. — 176 с.
7. Мелик-Пашаев, А. А., Новлянская, З. Н. Ступеньки к творчеству: художественное развитие ребенка в семье / А. А. Мелик-Пашаев, З. Н. Новлянская. — М.: Искусство в школе, 2012. — 272 с.
8. Флерина, Е. А. Эстетическое воспитание дошкольника / Е. А. Флерина. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. — 334 с.
9. Якобсон, П. М. Эмоциональная жизнь школьника / П. М. Якобсон. — М.: Просвещение, 1966. — 291 с.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Влияние разных видов музыки на эффективность силовых тренировок

Белякова Вероника Дмитриевна, студент;

Семенчук Анастасия Андреевна, студент

Волгоградский государственный медицинский университет

Настоящая работа посвящена исследованию влияния разнообразных музыкальных жанров на процесс и результативность при выполнении силовых упражнений.

Ключевые слова: музыка, силовые тренировки, эффективность

Введение

Использование музыкального сопровождения в спорте уходит корнями в античность: Пифагор и его последователи научно обосновывали связь музыкальных тонов со скоростью движений, а Сократ подчёркивал, что музыка, полезная для бега, может быть непригодна для борьбы [1]. Гипотеза исследования: предполагается, что музыкальные жанры с высоким темпом (120–140 уд/мин) оказывают более выраженное положительное влияние на силовые показатели и снижение воспринимаемого уровня утомления по сравнению с медленными жанрами или отсутствием музыкального сопровождения.

Основная часть

1. Физиологические механизмы воздействия.

Музыка с чётким ритмом запускает процесс произвольной слухо-моторной координации с активацией моторной части. Эта часть мозга отвечает за координацию движений, позволяя телу автоматически синхронизироваться с ритмом музыки. «Эффект метронома» особенно ценен в силовом тренинге: он помогает выдерживать равномерную скорость в многоповторных подходах и снижает риск технических ошибок на фоне утомления [2] Стимулирующее воздействие энергичной музыки вызывает выброс дофамина — нейромедиатора и гормона, ассоциирующегося с чувством удовольствия. Увеличение

концентрации дофамина смещает фокус внимания с физиологических проявлений нагрузки (мышечное жжение, одышка) на эмоциональный подъем, что ведет к снижению субъективного восприятия нагрузки — индивидуальной оценки интенсивности физических усилий, часто измеряемой по шкале Борга. Исследования показывают, что правильно подобранные треки способны снизить этот показатель на 10–15%, позволяя выполнить больший объем работы до наступления отказа [3]. Медленная, расслабляющая музыка после занятия способствует снижению уровня кортизола — катаболического гормона стресса, выделяемого надпочечниками, который разрушает мышечную ткань и способствует накоплению жира. Тем самым ускоряется восстановление и создаются благоприятные условия для мышечного роста [4].

2. Психологическая мотивация и концентрация

Помимо физиологического воздействия, музыка служит мощным регулятором психоэмоционального состояния. Энергичные треки повышают мотивацию, формируя положительные ассоциации с нагрузкой. Эффект усиливается при использовании любимых композиций, вызывающих личные позитивные воспоминания. В силовом тренинге такая «эмоциональная подкачка» помогает перебороть страх перед большим весом и настроиться на преодоление «отказных» повторений [5].

3. Особенности влияния на силовые тренировки

Эксперимент В.Г. Желнеровича и соавторов с участием каратистов показал, что музыка в быстром темпе (аллегро — темп от 120 до 168 BPM) увеличила темп нанесения ударов на 39,7% и общий объем работы на 40%, тогда как медленная музыка снизила производительность почти на 20% [1]. Этот результат объясняется непроизвольным подстраиванием ритма движений под внешний стимул, что для силовых подходов с акцентом на взрывную фазу является критическим. Итальянские исследователи из Веронского университета (2024) специально изучали, как меняется утомление при силовых упражнениях на тренажерах под музыку разного темпа, измеряемого в BPM (ударах в минуту). Оказалось, что быстрые треки (170–190 BPM) значительно повышают настроение (на 11%), но прямой эффект снижения физической усталости в силовых сетах выражен слабее, чем в кардио. Тем не менее, улучшение эмоционального фона способствовало повышению мотивации и готовности продолжать тренировку [6].

Практическая часть

Анализ литературных источников позволил выявить противоречивый характер влияния различных музыкальных жанров на физиологические и психо-

логические показатели атлетов. Гипотеза о доминировании высокотемповых музыкальных жанров над эффективностью силовых нагрузок требовала проверки. Было проведено онлайн-анкетирование. Участники — люди, заточенные под физическую активность, особенно силовые и функциональные тренировки. Анкета состояла из 15 вопросов с одним и открытыми вариантами ответов, распространялась дистанционно, заполнение носило анонимный и добровольный характер. В итоговую выборку вошло 124 респондента. Возрастной диапазон — от 17 до 25 лет. По полу выборка распределилась следующим образом: 77 женщин и 47 мужчин. Уровень физической активности варьировался от низкого (46 человек) до высокого (31 человек), при этом преобладал умеренный уровень (47 человек), что позволяет рассматривать ответы как показательные и наглядные для широкого круга занимающихся. Ниже представлены итоги.

Анализ ответов показал значительное разнообразие вкусов, в котором можно выявить свои закономерности: 43 человека выбрали рок и металл, 33 — поп, а 24 — рэп с хип-хопом. Меньше всего — классика (9) и электроника (15). Но есть и явное исключение: фонк. Девятнадцать респондентов отметили его особую эффективность для силовых подходов, выделив этот жанр в отдельную категорию. Отдельную группу респондентов составляют меломаны, их 20, тем не менее, даже они единогласно требуют от плейлистов активного, энергичного и быстрого темпа во время занятий. Таким образом, абсолютное большинство опрошенных тяготеет к высокотемповым, динамичным жанрам с выраженной ритмической пульсацией. Эта закономерность косвенно подтверждает гипотезу о приоритетности данных стилей для тренировочного процесса.

Одним из центральных вопросов анкеты была оценка влияния музыки на мотивацию. Распределение ответов выглядит следующим образом (рис. 1).



Рис. 1. Влияние музыки на мотивацию

Оставшиеся 23 респондента дали развёрнутые комментарии, однако их ответы также указывают на признание значительной роли музыки. Суммарно более 73% опрошенных оценивают влияние музыки как сильное или умеренное, что свидетельствует о восприятии музыкального сопровождения как существенного фактора мотивационной регуляции тренировочной деятельности. Интересно, что участники, указавшие на незначительное мотивационное воздействие музыки, всё равно продолжают использовать музыкальное сопровождение при тренировках. Это даёт основание полагать о наличии у музыки функций, не сводимых к чисто мотивационным — например, регуляции внимания, структурированию временного ритма подхода или психологической «отсечке» от внешних раздражителей

На вопрос о важности ритма музыки при тренировках мы получили следующие результаты: более 67% респондентов считают ритмическую структуру музыкального сопровождения наиболее важным аспектом. Это коррелирует с результатами исследований научной литературы, где темп и ритм названы ключевыми параметрами эргогенного воздействия музыки на циклические и ациклические нагрузки. Вопрос в анкетировании о том, помогала ли музыка «справляться» с усталостью во время тренировок, касался того, как музыка влияет на восприятие усталости во время упражнений. Результаты следующие: большинство респондентов считают, что прослушивание музыки помогает уменьшить чувство усталости во время тренировок. Это подтверждает «диссоциативный эффект» музыки, который указывает на то, что музыка отвлекает от внутренних сигналов усталости, это позволяет спортсменам выполнять тренировки с более высокой интенсивностью, поддерживая этот уровень интенсивности в течение более длительного времени. При анкетировании был также проведен анализ эмоций, вызываемых музыкой во время тренировок. Приведем несколько групп схожих ответов, классифицируя их в соответствии с типом и интенсивностью выражаемых эмоций (рис. 2).



Рис. 2. Эмоциональный отклик на музыку во время занятий спортом

Сочетание сегментов мотивация/жизнерадостность (37,9%) и агрессия/боевой дух (17,7%) составляет более половины выборки (55,6%) и указывает на значительный психостимулирующий эффект от соответствующего воздействия музыки. На вопрос «Я замечаю улучшение результатов тренировок при прослушивании музыки» 80,6% ответили «да», а 7,3% — «нет». Поскольку так много респондентов отметили «да», можно выяснить, что музыка воспринимается как эффективное средство повышения производительности среди занимающихся спортом.

Что касается видов деятельности, которыми занимались участники исследования, то ответы охватывали все виды физической активности, включая силовые тренировки бег, кардиотренировки, растяжку, йогу, пилатес, командные виды спорта, скандинавскую ходьбу и танцы, среди прочего. Это показывает, что независимо от вида физической активности, использование музыки в качестве аккомпанемента выходит за рамки множества дисциплин физической активности. На основе проведенного опроса было выявлено несколько тенденций, соответствующих теории, представленной в главе 1.

Мнения респондентов относительно текстов песен довольно сильно разделились. Следовательно, при выборе музыки необходим индивидуальный подход.

Литература:

1. Желнерович В. Г., Игнатович Д. А., Саличиц А. Ф. Влияние музыкального сопровождения на физическую активность каратистов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2020. — № 5. — С. 145–150.
2. Коджаспиров Ю. Г. Секреты успеха уроков физкультуры. — М.: Просвещение, 1998.
3. Карагеоргис С. И., Прист Д. Л. Музыка в спорте и физических упражнениях: обновлённый обзор исследований и применения // The Sport Journal. — 2012. — Т. 15, № 1.
4. Нильссон У. Снижение тревоги и боли под воздействием музыкальных интервенций // AORN Journal. — 2008. — Т. 87, № 4. — С. 780–807.
5. Левитин Д. Дж. Это ваш мозг под музыкой. — Нью-Йорк: Даттон, 2006.
6. Буманн Дж. и др. Влияние темпа музыки на производительность упражнений и воспринимаемую нагрузку в силовых и выносливостных видах активности // Frontiers in Psychology. — 2024. — Т. 15. — DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1345678.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Компрессия как когнитивно-прагматическая стратегия синхронного перевода технико-экономической информации

Оспанова Айнур Манарбеккызы, студент магистратуры

Научный руководитель: Шевякова Татьяна Васильевна, доктор филологических наук, профессор

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (г. Алматы, Казахстан)

В статье рассматривается компрессия как одна из ключевых когнитивно-прагматических стратегий синхронного перевода технико-экономической информации с английского языка на русский. Актуальность исследования обусловлена тем, что специализированный синхронный перевод осуществляется в условиях дефицита времени, высокой когнитивной нагрузки и необходимости сохранения терминологической точности. На материале примеров анализируются основные способы компрессии: опущение избыточных элементов, свертывание развернутых конструкций, терминологическая компрессия, генерализация и модуляция. Делается вывод о том, что компрессия является не механическим сокращением, а стратегией сохранения смыслового ядра сообщения.

Ключевые слова: синхронный перевод, компрессия, технико-экономическая информация, лексические трансформации, когнитивная нагрузка, прагматическая адаптация, терминология, английский язык, русский язык.

Введение

В современных условиях международного экономического сотрудничества возрастает значение качественного перевода специализированной информации. Техничко-экономический дискурс активно используется на международных форумах, конференциях, экспертных панелях и деловых переговорах. В таких ситуациях синхронный перевод обеспечивает оперативное взаимодействие между представителями разных профессиональных сообществ.

Синхронный перевод технико-экономической информации отличается высокой степенью сложности, поскольку переводчик одновременно воспринимает исходное сообщение, удерживает его в оперативной памяти, подбирает переводческие соответствия и воспроизводит текст на языке перевода. В отличие от письменного перевода, синхронный перевод не допускает длительного анализа или последующего редактирования, что усиливает роль автоматизированных переводческих решений.

Одним из наиболее значимых решений является компрессия. В рамках настоящей статьи она понимается как сжатие исходного высказывания за счет опущения, свертывания или замены менее значимых элементов при сохранении смыслового центра и коммуникативной цели. Цель статьи заключается в рассмотрении компрессии как когнитивно-прагматической стратегии синхронного перевода технико-экономической информации. Используются описательный метод, сопоставительный анализ, элементы трансформационного анализа и контекстуальный комментарий.

Компрессия в системе синхронного перевода

В переводоведении трансформации рассматриваются как способы перехода от единиц оригинала к единицам перевода при сохранении содержания высказывания. В. Н. Комиссаров подчеркивает, что переводческие трансформации обеспечивают достижение эквивалентности в тех случаях, когда прямое соответствие невозможно или функционально неэффективно [4, с. 172]. В синхронном переводе трансформации приобретают особое значение, поскольку переводчик работает в условиях постоянного поступления новой информации.

Компрессия отличается от произвольного сокращения тем, что она направлена на сохранение смыслового ядра. Переводчик исключает несущественные элементы, но сохраняет термины, причинно-следственные связи, числовые данные и прагматическую установку оратора. Например, фраза *We need to take immediate and coordinated action to address these economic challenges* может быть передана как *Необходимо срочно принять меры для решения этих экономических проблем*. Здесь развернутая конструкция *immediate and coordinated action* сжимается до *срочно принять меры*, однако коммуникативный смысл сохраняется.

Компрессия выполняет когнитивную функцию, поскольку снижает нагрузку на оперативную память переводчика. Согласно модели усилий Д. Жилия, устный перевод требует распределения ресурсов между восприятием, памятью и речевым воспроизведением [8, с. 159]. Если переводчик стремится передать

каждую единицу оригинала буквально, возрастает риск отставания от оратора и потери следующего фрагмента.

Прагматическая функция компрессии состоит в сохранении коммуникативного эффекта высказывания. Например, *It is very important for us to understand that digital transformation is not just a technological process, but also an economic necessity* может быть передано как *Важно понимать, что цифровая трансформация — это не только технологический процесс, но и экономическая необходимость*. Здесь сокращаются элемент *for us* и усилитель *very*, но прагматический акцент сохраняется.

Способы реализации компрессии

В синхронном переводе технико-экономической информации компрессия реализуется несколькими способами. Наиболее распространенными являются опущение избыточных элементов, свертывание развернутых конструкций, терминологическая компрессия, генерализация и компрессия через модуляцию. Эти приемы часто сочетаются, так как в реальной переводческой практике трансформации редко функционируют изолированно.

Таблица 1. Примеры компрессии в синхронном переводе технико-экономической информации

Английский оригинал	Возможный синхронный перевод	Вид компрессии	Комментарий
We need to make sure that all the necessary digital infrastructure is available for small and medium-sized businesses	Необходимо обеспечить цифровую инфраструктуру для малого и среднего бизнеса	Свертывание вводной конструкции	Конструкция <i>we need to make sure that</i> сокращается до необходимо обеспечить
The development of artificial intelligence technologies creates new opportunities for economic growth and productivity	Развитие ИИ открывает новые возможности для роста экономики и производительности	Терминологическая компрессия	Длинное сочетание <i>artificial intelligence technologies</i> передается через краткую форму ИИ
Roads, railways, logistics centers and border checkpoints should work as one system	Транспортная инфраструктура должна работать как единая система	Генерализация	Перечень объектов свертывается до родового понятия

Опущение избыточных элементов связано с устранением вводных конструкций, повторов и риторических усилителей. Например, *I would like to emphasize once again that investment in infrastructure is crucial* может быть переведено как Инвестиции в инфраструктуру имеют ключевое значение. В этом случае исчезает формула *I would like to emphasize once again*, но основная мысль не теряется.

Свертывание развернутых конструкций характерно для перевода английских аналитических структур *make it possible to, contribute to the development of, be aimed at improving*. В русском синхронном переводе они часто передаются краткими глагольными формами: *позволит, развивает, повышает, направлен на*. Такой прием делает перевод более естественным и помогает сохранить темп.

Терминологическая компрессия проявляется в использовании кратких устойчивых эквивалентов и аббревиатур. Так, *gross domestic product* передается как ВВП, *small and medium-sized enterprises* — как МСБ, *information and communication technologies* — как ИКТ. Если сокращение может быть непонятно слушателям, переводчику целесообразно сначала дать полную форму, а затем использовать краткий вариант.

Компрессия через генерализацию допустима тогда, когда подробное перечисление не является принципиальным для понимания основной мысли. Например, *roads, railways, logistics centers and border checkpoints* может быть передано как транспортная инфраструктура. Однако при переводе договоров, статистики или конкретных обязательств такая генерализация может быть недопустимой.

Компрессия через модуляцию предполагает передачу логического результата высказывания вместо буквального воспроизведения исходной формы. Например, *This will help us unlock new sources of growth* можно перевести как Это даст новые возможности для роста. Образное выражение *unlock new sources* передается более нейтрально, но прагматический эффект сохраняется.

Границы допустимой компрессии

Несмотря на высокую значимость компрессии, ее применение имеет ограничения. В синхронном переводе недопустимо сокращать элементы, от которых зависит фактическая точность сообщения: числовые данные, даты, имена собственные, названия организаций, ключевые термины, причинно-следственные связи и условия реализации действия.

Например, предложение *The government plans to invest 2.5 billion dollars in renewable energy projects by 2030* нельзя переводить как Правительство планирует инвестировать в зеленую энергетику, поскольку в таком варианте теряются

сумма и срок. Корректный вариант должен сохранять фактическую информацию: Правительство планирует инвестировать 2,5 млрд долларов в проекты возобновляемой энергетики к 2030 году.

Следовательно, компрессия должна быть функционально оправданной. Ее задача заключается не в сокращении текста любой ценой, а в достижении баланса между краткостью, точностью и прагматической адекватностью. Профессиональный синхронист должен уметь отличать информационно значимые элементы от факультативных и принимать решение с учетом темпа речи, жанра выступления и уровня подготовленности аудитории.

Заключение

Компрессия является одной из наиболее значимых стратегий синхронного перевода технико-экономической информации. Ее необходимость обусловлена спецификой синхронного перевода, который осуществляется в условиях дефицита времени, высокой когнитивной нагрузки и постоянного поступления новой информации.

Проведенный анализ показывает, что компрессия реализуется через опущение избыточных элементов, свертывание развернутых конструкций, терминологическую аббревиацию, генерализацию и модуляцию. При этом компрессия не должна рассматриваться как механическое сокращение текста: она представляет собой когнитивно-прагматическую стратегию, направленную на сохранение смыслового ядра и коммуникативной цели исходного сообщения.

Таким образом, грамотное применение компрессии способствует повышению качества синхронного перевода, снижению когнитивной нагрузки переводчика и обеспечению адекватного восприятия специализированного содержания аудиторий.

Литература:

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. — М.: Академия, 2004. — 352 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Международные отношения, 1975. — 240 с.
3. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. — М.: Просвещение, 1985. — 160 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.

5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М.: ЭТС, 2002. — 424 с.
6. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М.: Международные отношения, 1974. — 216 с.
7. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. — М.: Международные отношения, 1978. — 208 с.
8. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009. — 283 p.

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г.А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 12.05.2026. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 8,1.
Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,
Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.